

ВАДИМ ПАНОВ

ДИКИЕ ПЕРСЫ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов
Дикие персы

«ЭКСМО»
«Панов Вадим»

2014

Панов В. Ю.

Дикие персы / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2014 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-699-71113-0

Таинственные исчезновения, странные смерти, жестокая месть преступникам... Санкт-Петербург захлестнула волна громких, на первый взгляд не связанных друг с другом преступлений, следы которых ведут к создателю новейшей компьютерной игры с полным погружением в реальность. Но не в виртуальную реальность, а в обычную. В наш мир пришла кровавая игра без имени, и Санкт-Петербург – всего лишь полигон для ее тестирования. Тем временем в Северную столицу для расследования необычного убийства прибывает Юрий Федра, известный детектив в своем городе. В Тайном Городе...

ISBN 978-5-699-71113-0

© Панов В. Ю., 2014

© Эксмо, 2014

© Панов Вадим, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вадим Панов

Дикие персы

© Панов В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

За год до описываемых событий

Санкт-Петербург, Лесной проспект

Странный всё-таки праздник Восьмое марта, очень странный. Вроде бы должен быть радостным, солнечным, ведь на календаре первый весенний месяц и сама мысль о скором тепле туманит голову, но... Но не туманит, потому что трудно припомнить, когда в последний раз восьмого марта не было снега. Нет, не маленьких грязных кучек, тоскливо умирающих под жаркими лучами, а настоящего, уверенного в своей силе зимнего снега, гордо бросающего вызов «весеннему» солнцу? Помните ли вы, когда на восьмое марта лед не сковывал Неву, а колючий ветер не кидался яростно на прохожих, норовя развеять над зябнущим городом саму мысль о возможной весне? Когда в последний раз «самый теплый праздник» не покашливал промозглой стужей?

Странный он, этот «весенний» праздник, Восьмое марта.

И очень грустный для тех, кому цветы дарят только коллеги и только потому, что «так принято». Грустный для тех, кто накрывает стол в самом большом помещении офиса, а потом сидит за ним, периодически позвякивая бокалом о бокалы и почти натурально смеется, выслушивая стандартные, из года в год не меняющиеся речи. Потом все курят в коридоре, потом – за столом, стряхивая пепел в тарелки с недоеденным салатом и огрызками бутербродов. Потом, после пятого «общего» перекура, начинаются танцы: медленная музыка, интимный шепоток и та, для которой Восьмое марта праздник грустный, чувствует, как чужие руки прижимают её к чужому телу, намекая на то, что есть возможность уединиться в запертом кабинете и получить друг от друга немного чужого тепла. Единственная просьба: не стонать слишком громко, потому что нужно соблюдать «приличия». Те же приличия требуют от остальных не заострять внимание на том, что происходит в запертых кабинетах.

Мы ведь взрослые, культурные люди, не так ли?

А потом праздник заканчивается – раньше, чем хотелось, и немного неожиданно, потому что большая часть мужчин пообещала явиться домой не очень поздно. Офис закрывается, а самые шептуньи собираются в клуб или ресторан: столик заказан ещё неделю назад, и это лучший способ встретить завтрашнее утро в чужой постели после хорошего, среднего, отвратительного, не помню какого (нужное подчеркнуть) секса.

Лучший способ оставить странный праздник позади.

Когда-то она охотно продолжала офисные вечеринки в весёлых клубах, но теперь устала от мужчин, не видящих в ней свою женщину. От неловкого предложения позавтракать в ближайшей кофейне, потому что в холостяцком холодильнике нет ничего, кроме пельменей и пива. От невероятной грусти, что накатывает после невероятного веселья и волшебной ночи. Ведь особенно сильная грусть приходит после волшебной ночи с тем, кто никогда не будет твоим, приходит в такси под молчание или трёп водителя, приходит обязательно и делает всё вокруг настолько горьким, что хочется умереть.

Или убить.

Она устала от всего и с вымученной улыбкой прощается с коллегами, предпочтя их обществу пустой дом на Лесном.

Ненавязчивые поцелуи в щеку, прощальные поздравления, громкое: «Ты забыла цветы!», и в руке оказывается скромный букет тюльпанов, которому суждено умереть в одиночестве. Потом автобус, потому что «до дома рукой подать», и вот она идёт по продуваемому злым ветром проспекту, убеждая себя, что глаза намокли от подлых весенних снежинок. Лево́й рукой прижимает к боку сумку, в которой спрятались дурацкая «праздничная» открытка, смешная, но без подписи, и коробочка с дешёвыми духами, а в правой сжимает завернутый в целлофан

и газету букет. Она ненавидит тюльпаны, этот символ Восьмого, и, едва выйдя из автобуса, бросает цветы в сугроб и, не глядя на них, даже не приостановившись, продолжает свой путь.

Она чувствует себя так, словно избавилась от кандалов.

Да, она одна, но это её выбор. И пусть вокруг вздыхают: «Не повезло!» – они ошибаются. Как раз наоборот: повезло. Она одна не потому, что её не выбрали, а потому, что не выбрала она. Она слишком хороша, чтобы цепляться за любой вариант, ибо «годы уходят и скоро будет поздно». Нет! Она независима и горда. И никто не сравнится...

– Дэвушка?

Она не дошла до дома каких-то пятьдесят шагов. А может, даже тридцать. Она услышала «Дэвушка» и почувствовала, как подогнулись колени, – интуиция жертвы подсказала, что будет дальше. Интуиция одинокой женщины, которой не повезло: четыре минуты назад по проспекту проходила шумная компания молодых и весёлых ребят, в присутствии которых нехорошо скалящийся подонок не осмелился бы преградить ей дорогу.

«Закричать?»

Надо было бы, надо было, надо... Но поздно. Горло сдавила крепкая чужая рука, не позволяя не то что крикнуть – пискнуть, а ещё через мгновение её затолкали внутрь цельнометаллического фургона, который сразу же сорвался с места.

И лишь умирающие в сугробе тюльпаны напоминали о том, что по Лесному проспекту только что шла одинокая женщина.

Часть 1

В Санкт-Петербурге пасмурно

Вилла «Паллада»

Санкт-Петербург, Курортный район,

26 февраля, суббота, 23.19

– Долго ещё ехать?

– Торопишься? – с ухмылкой осведомился водитель, не отрывая взгляд от шоссе. – Не терпится?

– Просто хочу знать, сколько нам ещё трястись. – Голос не подвёл, и ответ прозвучал предельно хладнокровно, хотя в действительности на душе у молодой женщины было весьма беспокойно. Поздний вечер, по февральским меркам – практически ночь, тьма, хоть глаз выколи, и скорость семьдесят миль в час, которая не казалась Саше подходящей для узкого лесного шоссе. Наоборот, скорость автомобиля казалась чрезвычайно опасной для узкого лесного шоссе, на котором ещё нет-нет да встречались полосы снежной кашицы, грозящие заносом и последующими неприятностями. Встречались, несмотря на необычайно раннюю весну, ухитрившуюся подмять под себя даже последнюю февральскую неделю.

– Не будь на КАД пробки, давно приехали бы, – рисуясь, продолжил водитель. Он откровенно напрашивался на комплимент.

– Ага, – не стала спорить женщина. А про себя подумала: «На такой машине – конечно».

За Сашей прислали «Шевроле Камаро» – породистого красавца с двумя тёмно-синими полосами по нахально-жёлтому кузову. Водитель соответствовал и внешне – плечистый Пётр магнитом притягивал женские взгляды – и внутренне: парень не только наслаждался мощным автомобилем, как наслаждается карапуз новой погремушкой, но явно умел с ним обращаться. «Камаро» шёл быстро, но не грубо, уверенно, но не нагло, оставляя за собой завистливые ухмылки, а не злобные проклятия. На хорошо освещённой магистрали Саша даже увлеклась, с восхищением переживая неизведанное прежде ощущение перегрузки, когда невидимая сила плавно вдавливают тебя в кресло при ускорении, однако широкая дорога осталась позади, сузившееся шоссе запетляло по лесу, а манера вождения не изменилась. По мнению Саши, скорость следовало сбросить до двадцати-тридцати миль в час, но Петя не только продолжал гнать, но ещё и ухитрялся болтать с пассажиркой, то и дело отвлекаясь от едва различимой во тьме дороги.

– Кстати, ты первая, кого я катаю на этом звере.

– Неужели?

Саша, естественно, не поверила в то, что один красавчик купил другого красавчика просто погонять, а не для покорения смазливых девиц, но через мгновение выяснилось, что неожиданное заявление имело логичное объяснение:

– Его вчера пригнали.

Выходит, машина не случайно показалась Саше новой.

– Сначала обещали в апреле, но повезло – получилось раньше. – В очередной поворот «Камаро» вошёл не меньше чем на шестидесяти милях, чем заставил Сашу зажмуриться на пару секунд. – Весна в этом году шикарная, погоняю от души.

Весна и впрямь удалась: двадцать шестое февраля, а снега почти нет, днями на удивление тепло, а когда выходит солнце, то и вовсе припекает. Дожди, правда, начали зарядать, но куда же в Питере без дождей?

– Я резину уже переобул, так что не бойся – не унесёт нас. – Пауза и ехидное продолжение: – Наверное.

Судя по всему, Пётр заметил, как жмурилась молодая женщина на поворотах, и его зоркость заставила Сашу покраснеть и резко сменить тему:

– Ты уже прошёл Церемонию?

– Я не имею права обсуждать эту тему, – неожиданно резко ответил парень.

– Почему? – изумилась Саша.

А в следующий миг покраснела ещё гуще: громкий смех подсказал молодой женщине, что она угодила в очередную ловушку.

– Шучу, Сашка, шучу!

Петя веселился настолько искренне и добродушно, что женщина не нашла в себе сил злиться. Как можно обижаться на щекастого красавчика, в голубых глазах которого нет ни капли издёвки? Зачем обижаться? В конце концов, если всё, что слышала Саша, – правда, им предстоит стать друзьями...

– Я вошёл в игру два дня назад, – продолжил Петя.

– Как это происходит?

– Странно, придётся немного понервничать, но... – качнул головой, словно вспоминая и прикидывая, чем можно поделиться, улыбнулся и отделался общими фразами: – Главное, церемония проходит необычно. И она очень личная... Впрочем, ты увидишь...

И замолчал, сосредоточившись на управлении летящим авто: этот участок шоссе был действительно опасным.

– Что увижу? – нетерпеливо спросила Саша.

– Церемонию увидишь. Пересказывать её бессмысленно, она для каждого своя.

Чувствовалось, что развивать тему Петя не хочет.

– Понятно, – уверенно произнесла женщина.

Точнее, сыграла уверенность, потому что в происходящем Саша едва разбиралась.

Итак, самая секретная новость дня: в Санкт-Петербурге проходит закрытое бета-тестирование необычной игры, с полным погружением в происходящее. Не 3D и даже не 10D – FullFeel guaranteed! Именно такой оборот использовал администратор нового развлечения, заманивая молодую женщину в проект. А к возможности первой опробовать удивительный аттракцион добавил весомое ежемесячное содержание, в полтора раза превышающее её оклад, и настолько огромную премию по окончании теста, что увиденные в договоре цифры заставили Сашу нервно сглотнуть. На робкий вопрос: «Вы не ошиблись?» – последовал уверенный ответ: «Мы платим не за работу, а за молчание», и всё встало на свои места.

Нет, не всё, потому что некоторые фразы администратора, носящего странный псевдоним Ваятель, напоминали бред сумасшедшего.

«Церемония вступления в игру похожа на магический ритуал», – сказал он тогда. И улыбнулся, услышав почти дерзкий ответ:

«Только похожа?»

Кивнул, показывая, что оценил шутку, и пообещал:

«Но главное, что после Церемонии ощущение магии не развеется. Технологическая составляющая нашей игры настолько далеко ушла от общепринятого, бытового понимания возможностей науки, что неподготовленный пользователь способен счесть увиденное колдовством».

«Я – подготовленный? Или вы прочтёте мне лекцию?»

«В настоящий момент подготовленных пользователей можно пересчитать по пальцам, и все они входят в команду разработчиков игры. Читать вам лекции никто не станет по двум причинам: во-первых, нет времени, во-вторых, вы принимаете участие в тестировании и отладке интерфейса, без погружения в глубины системного кода или в технологические нюансы создания персонажей, а значит, лишние знания вам не нужны. Вам придется поверить в то, что всё вокруг – результат новейших научных разработок».

«Или колдовства».

И снова негромкий смех Ваятеля:

«А вам не всё равно?»

– Что потом? – негромко спросила Саша.

Как ни странно, Пётр понял вопрос без лишних уточнений. Чуть сбросил скорость, положил обе руки на руль и тихо, в тон, очень серьёзно ответил:

– Всё так, как было обещано: необыкновенно, невиданно, и даю гарантию – такого ты ещё не испытывала. – Короткая пауза. – Ваятель шутил с тобой насчёт FullFeel guaranteed?

– Да.

– Так вот: это была не шутка.

Лгать парню было ни к чему, и Саша почувствовала нарастающее нетерпение: ей жутко захотелось как можно скорее зарегистрироваться в новом проекте.

– Ощущение магии присутствует?

– В полной мере.

– Правда? – Саша была уверена, что Ваятель всего лишь употребил красивый оборот. – Шутишь!

– Нет.

– Расскажи!

– Не могу.

– Почему?

– Потому что ты ещё не прошла Церемонию, – с добродушной улыбкой объяснил Пётр.

– Когда пройду, сама всё узнаю.

– Тогда и поделимся впечатлениями.

– А если мне не понравится?

– Понравится, – уверенно произнёс парень, медленно подводя «Камаро» к автоматическим воротам. При появлении машины створки плавно пошли в стороны. – Такое не может не понравиться.

– Необычное?

Пётр посмотрел Саше в глаза и уточнил:

– Волшебное.

И не обманул.

Никто не обманул, если уж точно: ни Петя, который почти ничего не сказал, но не скрывал азарта и увлечённости, ни пообещавший чудесное Ваятель. Никто.

Ворота сработали автоматически: распахнулись, пропуская «Камаро» на территорию, и тут же закрылись, не позволяя посторонним узреть больше мимолётного. Да и откуда им взяться – посторонним – в тёмной и сырой ночи?

Петя подвёл машину к главному крыльцу, а лихость, с которой он промчался по узкой, петляющей меж сосен дорожке, показала Саше, что парень тут частый гость. В большом холле он помог избавиться от куртки и мягко подтолкнул женщину к дверям главной гостиной: «Иди, он ждет».

– Ваятель?

– А кто же ещё?

Таинственный администратор таинственной игры...

Они виделись всего однажды, и вот Саша встречает ночь на незнакомой вилле, в окружении едва знакомых людей, согласившись пройти неизвестно что представляющую собой Церемонию. А вокруг дома – глушь Курортного района, случись что: кричи не кричи, только сосны пошумят над головой. И море в двух шагах – есть куда спрятать...

– Я рад, что ты здесь.

– А я...

– Ты ещё не знаешь.

Ваятель не угадал, а мягко прочёл её чувства.

– То, что вы предлагаете...

– Странно.

– Однако...

– Притягательно. И поэтому ты здесь.

Разговор звучал тёк, однако Саша приняла правила игры. Тем более что Ваятель был прав. Во всём прав. И читал он, похоже, не только мысли, но и чувства.

Пожилой, но ещё не старый мужчина – крепкий, плечистый, совсем седой, – он сидел за тёмным, теряющимся в тени столом, подперев рукой подбородок. Рваное пламя свечи – единственное освещение гостиной, облагораживало его грубое лицо: прямой нос не казался чересчур длинным, а подбородок выглядел мужественным, а не здоровенным.

– И я рад, что ты здесь.

– Вы меня убедили.

– Скорее заинтриговал.

– Вы действительно колдун?

– Поверила в сказки?

– Петя сказал, что после Церемонии будет волшебю.

– Многие надеются, что так будет после брачной церемонии. Но мало у кого получается.

Шутка показалась уместной, немного уменьшила напряжение, охватившее женщину при входе в гостиную.

– Петя выглядел довольным, словно утонувший в сметане кот.

– Мы начинаем?

Вот он – вопрос недели. Или месяца. Или года.

Над ответом Саша думала три последних дня. Решила, что решила, приехала на странную виллу, но в последний момент внутри что-то ёкнуло, как раз в дверях гостиной ёкнуло, и захотелось хоть на миг оттянуть однозначный ответ.

– А договор? – промямила молодая женщина. – Можно его прочитать?

Её уверенность растворилась в тени, с которой не могла совладать одинокая свеча.

– Я не такой бюрократ, каким кажусь, – рассмеялся Ваятель. – Подпишем договор после Церемонии. – Когда дороги назад уже не будет... Так мы начинаем?

Ваятель чуть подается вперёд, и Саша видит насмешливые огоньки в его карих глазах. Или это отблески свечи? Или нет никакого веселья, а только холод тёмного взгляда? Или у неё кружится голова от нерешительности и странной атмосферы? И Петя не пошёл следом... За дверью остался Петя в тот самый миг, когда так нужно вцепиться в крепкое мужское плечо... Не пошёл, потому что Церемония у каждого своя... И нужно отвечать...

– Мы начинаем?

– Пожалуй, – срывается с губ как будто против воли.

– Раздевайся.

«Догола?!»

– Вы серьёзно? – изумилась молодая женщина.

Взгляд Ваятеля перестает казаться тёмным – он снова насмешливый.

– Понимаю, о чём ты подумала, и поспешу успокоить: ничего такого не будет. Я раздеваться не стану, а больше тут никого нет. – Он небрежно обвел рукой полутёмный зал. – Но в круг ты должна войти обнажённой.

«В какой ещё круг?»

– В этот.

Ваятель щелкнул пальцами, и за его спиной вспыхнули свечи, наполняя огромную комнату ярким светом. Штук триста свечей, не меньше, вспыхнули разом, заставив Сашу вскрик-

нуть и закрыть глаза. Одинаковые красные свечи в настольных и настенных подсвечниках и просто на полу, и светят они одинаково ровным красноватым пламенем, драпируя зал в небрежно-алый. Мебель вынесена, есть только стол и кресло... Были стол и кресло, но когда Саша открыла глаза, их уже не стало. Ваятель стоял у правой стены, а по полу змеились светящиеся белые символы, образующие в центре зала обширный круг, чем-то напоминающий оскаленный череп.

– Для проведения Церемонии тебе придется войти в него обнажённой.

Саша знала, что не очень привлекательна... Да что там – Саша давно смирилась с тем, что некрасива: тёмно-рыжие волосы длинные, но не очень густые, не портят, но и не придают дополнительного шарма; лицо круглое, веснушчатое; небольшие глаза на нём похожи на зелёные пуговицы, а крылья носа чуть более широкие, чем хотелось бы... Если честно, на лице удался только рот: аккуратный, изящный, с чувственными губами, но он, увы, не мог «вытянуть» картину в одиночку. Тело молодой женщины тоже не соответствовало общепризнанным стандартам красоты: грудь маленькая, словно неведомый скульптор наметил её, да позабыл продолжить, оставив едва заметные выпуклости без развития, не грудь, а основа всех Сашиних комплексов; плюс к ней довольно большой таз и широкие бедра.

И стеснение. Мощнейшее стеснение, шедшее рука об руку с Сашей вот уже много-много лет.

– Другого способа нет, – мягко произнёс мужчина. – Или ты решаешься, или уходишь.

Последний шаг – раздеться. Она ведь приняла решение? Приняла. Она готова к Церемонии? Готова. Она хочет войти в изумительный мир, который много чего повидавший Петя назвал «волшебным»? Хочет. Так неужели она не сможет сделать последний шаг? Неужели не избавится от такой ерунды, как стеснение? Или это робость? Или неуверенность в себе? Или комплексы?

«Надо просто раздеться...»

Во взгляде Ваятеля вновь появился холод. Обжигающий и приглашающий. И Саша поняла – по взгляду поняла, – что хитроумный администратор неведомой игры не случайно придумал для неё это правило: раздеться. Он помогает ей обрести себя настоящую. Помогает избавиться от слабости, пропитавшей всю её жизнь.

Всю её прошлую жизнь.

Церемония стала казаться куда значимей, чем на первый и даже на второй взгляд. Церемония перестала быть частью игры, она запустила щупальца в самую Сашу. В её душу. В её мир.

«Надо просто раздеться...»

Саша медленно стянула через голову тонкий свитер, постояла, комкая его в руках... комкая в руках последние сомнения... отбросила свитер в сторону и скинула сапоги. В холоде тёмного взгляда отчётливо читалось одобрение, однако не было в нём и следа мужского интереса. Ваятелю происходящее нравилось, но оно его не возбуждало.

Джинсы... Проклятая пуговица поддалась лишь со второй попытки, и, чтобы замаскировать неловкость, вызванную подрагивающими пальцами, Саша стянула джинсы вместе с колготами. Выпрямилась, несколько раз вздохнула, глядя на свечи, не на мужчину – на свечи, а затем избавилась от бюстгалтера и трусиков. И в последнем жесте, в том, после которого белое бельё полетело в угол, читался вызов.

Саша справилась.

И безумно гордилась тем, что не сделала попытки прикрыться рукой.

– Так?

Подбородок поднят, плечи расправлены, одна нога чуть впереди, в зелёных глазах огонь.

– Превосходно. – Ваятель подал молодой женщине руку и помог пройти в центр круга. – Ты не против пожертвовать на Церемонию каплю крови?

– Всего одну?

– Я ведь не вампир.

Укол в указательный палец получился настолько лёгким, что Саша едва его почувствовала. А кровь отправилась в мензурку, содержимое которой сразу же приобрело весёленький ярко-зелёный цвет.

– Готовишь коктейль? – попыталась пошутить женщина.

– Вроде того, – усмехнулся довольный Ваятель, протягивая Саше тёмные очки со шторами. – Тебе.

Стекла почти круглые, очень плотные и очень-очень тёмные, чернее воронова крыла. Оправа довольно тонкая, чёрного металла, изящная, но... Но сами очки тяжелы настолько, что вес вызывает удивление.

– Наденешь, когда я скажу.

– А вдруг я пропущу самое интересное?

– У тебя не получится.

Саша молча кивнула.

Странно, но её стеснение, испарившееся во время обнажения, возвращаться, судя по всему, не планировало. Женщина с достоинством демонстрировала незнакомому мужчине свою наготу и даже пыталась шутить, не натужно – искренне.

– Теперь выбери какое-нибудь четверостишие, которое ты не забудешь в любых обстоятельствах.

– Стишок? – изумилась Саша.

– Любой.

– Можно детский?

– Да хоть на японском.

– Я не знаю японского.

– Я тоже.

– А можно считалку?

– Всё, что угодно.

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать, буду бить,
Всё равно тебе водить.

– Прекрасно, а главное, в тему, – рассмеялся Ваятель.

– Что вы имеете в виду?

Ответа не последовало.

– Убедись, что стоишь точно в центре круга.

– Так и есть. – Саша посмотрела вниз.

– Хорошо. – Ваятель добавил в мензурку три прозрачные капли из хрустального пузырька – её содержимое мгновенно стало алым – и довольно улыбнулся: – Дальше делаем так: ты надеваешь очки и по моему сигналу начинаешь медленно произносить свою считалку. Очень медленно. И постарайся не сбиться, поскольку одновременно с тобой я буду произносить свою считалку на языке, которого ты не знаешь. Всё ясно?

– Да.

Ваятель присел на корточки, осторожно вылил на один из символов содержимое мензурки – белые надписи стали стремительно розоветь – и резко поднялся:

– Очки!

Саша торопливо водрузила тяжёлое устройство на нос.

– Элеонбе очей кавал! – Над головой молодой женщины возник массивный алый шар. – Ашунг аоро бен!

Свечи вспыхнули ярче, розовые символы превратились в бордовые, добавился гул, шедший, казалось, из красноватого воздуха, но ничего не смогло помешать молодой женщине медленно произносить выбранное четверостишие:

- Вышел... месяц... из... тумана... Вынул... ножик... из кармана...
- Ваххаллра бе устанг! Ваххаллра ирбе шуна...
- ... резать, буду бить... всё равно...
- Кабери дак усто!
- Тебе водить!

* * *

*Муниципальный жилой дом
Санкт-Петербург, улица Седова,
11 марта, пятница, 16.24*

Откуда-то слева и сверху вдруг пошла вода. Хлынула вслед за диким порывом ветра, швырнувшего Урано – как пушинку, как пушинку, чёрт побери! – на гладкую стену. Бросок получился неудачным, застигнутый врасплох воин не сгруппировался, и мерный «белый шум» в его голове стал следствием того удара. Точнее, сначала случилась «большая белая вспышка», на секунду выключившая Урано из действительности, и уж после нее – мерный «белый шум».

А сразу после ветра и удара пришла вода.

Неожиданно, но, главное, много. Хлынувший поток подхватил бойца и понёс вдоль коридора, то ли расшибить о тупиковую стену собираясь, то ли планируя насадить на одну из невидимых пик, которые всегда появлялись из пола во время воды. В память о первой встрече с этой ловушкой Урано носил безобразный шрам на правом боку и не испытывал ни малейшего желания наткнуться на острый наконечник повторно. А потому в тот миг, когда торопливый поток проносил его мимо запертой двери, воин изловчился зацепиться за косяк пальцами, вытянулся вдоль, прижимаясь к стене, и закричал, пытаясь хоть чуть-чуть облегчить напряжение. Пальцы против стремнины. Боль, упорство и сила против неё же, усиленной его болью и ослабленной его упорством... Уж очень Урано не хотелось на кол, совсем не хотелось.

Воин понимал, что не сможет долго удерживать себя на одних только пальцах, но по опыту знал, что сила потока обратно пропорциональна длительности. Так, собственно, и вышло: секунд через десять неожиданное наводнение закончилось, уровень молниеносно упал до колена, пики медленно вернулись под пол – ближайшая, кстати, торчала в двух футах от пяток Урано, – и воин продолжил путь. В последнее перед водой мгновение боец успел накинуть на левую кисть петлю длинного эластичного шнура и легко отыскал своё главное оружие – копьё. Древко цело, наконечник не повреждён, привычная тяжесть придаёт уверенности.

«Теперь посмотри, кто кого!»

Через два поворота коридор стал резко забирать вверх. Нет, ступеньки не появились, просто пол, не переставая быть скользким, приобрёл существенный, градусов в тридцать, уклон, и подниматься по нему пришлось, хватаясь за гладкие стены. А примерно посередине пути коридор наполнил густой едкий дым, сбивающий дыхание не хуже удавки, на глазах выступили слёзы, и зашедшийся в кашле Урано ввалился в следующее помещение практически ослепшим.

«Дерьмо!»

Воин догадался, что тварь явится сейчас – она всегда приходила в самый неподходящий момент, – и наугад ткнул копьём перед собой. И вовремя ткнул: острие вошло во что-то мягкое.

«Вот так!»

Подкраившаяся зверюга возмущённо пискнула и резко отскочила назад. Одним тычком её не проймешь, даже не ранишь как следует – слишком велика, но Урано выиграл несколько секунд отдыха на то, чтобы откашляться и вытереть глаза.

«Продолжим?»

А как же! Уже продолжаем! Без лишних вопросов!

Зверюга прыгнула справа, но воин ухитрился увернуться, и результатом атаки стало лишь громкое клаяние здоровенных клыков и поток зловонного дыхания из пасти твари. Уклонившись, воин выставил копьё в надежде, что промахнувшийся монстр напорется на него всей массой, но не получилось. Никогда не получалось. Хуже того: тварь не отскочила от копья, как это бывало раньше, а лишь отклонилась и нанесла ловкий удар лапой. Коготь чудовища прошёлся по плечу воина и разорвал кожаный доспех.

Урано покати́лся по грязи.

«Скотина!»

Разгорячённая зверюга бросилась следом, но две оплеухи подряд воин никогда не пропускал. Урано вскочил и вновь выставил перед собой копьё, рассчитывая на то, что тварь не успеет затормозить, и угадал! Когтистая лапа – монстр как раз собирался нанести следующий удар – со всего размаха налетела на оружие и надела, пронзённая насквозь, как кусок мяса на шампуре.

«Есть!»

Зверюга взвыла и резко отдернула лапу, вырвав копьё из рук бойца.

«Чёрт!»

Урано понял, что наступил решающий момент. Через несколько мгновений раненый монстр рванёт вперёд без оглядки, ослеплённый одним-единственным желанием – убить. Через несколько мгновений он потеряет осторожность и победит, задавит массой, поскольку превосходит бойца раза в четыре, не меньше. Через несколько мгновений остановить его не получится даже тремя копьями, так что «пан или пропал»!

Времени на раздумья нет – только на действие.

Урано выхватил кинжал, пробежал несколько шагов, стремительно набирая скорость, и прыгнул, вложив в отчаянный бросок все оставшиеся силы.

– И-и-и-я!..

Взлетел в воздух, почти мгновенно преодолев оставшееся расстояние, и резко вонзил кинжал в шею твари.

– Ха!

Зверюга взвыла.

Густая шкура позволила Урано зацепиться, повиснуть на боку чудовища и снова ударить. А потом ещё! Ещё и ещё! Всё шире рассекая плоть острым как бритва кинжалом, снова и снова погружая его в безобразную рану, пачкаясь в крови, глотая её, смеясь и продолжая рвать, рвать и рвать умирающего монстра...

«Нельзя так увлекаться...»

Валентин Борисович аккуратно натянул одноразовые медицинские перчатки – каждый палец до упора, – тщательно оглядел их на предмет повреждений и только после этого осторожно взялся за растерзанную крысу, перекладывая её в приготовленный заранее пакет. Свернул, следя за тем, чтобы кровь не капнула на расстеленный на полу полиэтилен, вложил ещё в один, свернул, перехватил скотчем и бросил в мусорное ведро.

«Слишком грязно...»

Но одной лишь тушкой уборка не ограничилась. Не снимая перчаток, старик внимательно оглядел смонтированный на полу дальней комнаты двухъярусный пластиковый лабиринт, особенно помещение на втором уровне, где, собственно, и случилось финальное сраже-

ние, вытащил несколько незамеченных при первом осмотре кусочков мяса, проверил ещё раз, убедился, что никаких других следов, кроме лужиц крови, не осталось, отделил верхнюю часть лабиринта, отнёс её в ванну, залил водой и добавил дезинфектора. Смыть кровь полностью не получится: в пластик она впитывалась не так сильно, как в дерево, но всё равно впитывалась, однако простым ополаскиванием Валентин Борисович никогда не ограничивался, опасаясь подцепить какую-нибудь заразу.

Выждав минуту, старик достал щётку и тщательно замыл окровавленный пластик, после чего оставил верхнюю часть «отмокать» в ванной с новой порцией дезинфектора, вернулся в комнату, снял перчатки и принялся аккуратно перезаряжать ловушки первого уровня.

Внушительный лабиринт – площадью пять на пять футов и полтора фута высота каждого яруса – представлял собой сложное устройство, механизмы которого могли устроить локальное наводнение, вызвать огненную бурю, шторм и навредить бойцу несколькими другими способами. Где именно война будет поджидать очередной сюрприз, решал умный компьютер лабиринта, и он же управлял стенками, передвигая их перед каждой новой тренировкой. Роль Валентина Борисовича сводилась к нажатию кнопки «Старт» и к финальной уборке кровавых следов.

Ну и в том, чтобы пройти чёртов полигон, разумеется.

«Сегодня я был хорош...»

Закончив с ловушками, собрался вернуться в ванную, но был остановлен телефонным звонком.

– Урано?

– Я просил называть меня Борисычем, – грубовато отозвался старик.

Ему не нравился собеседник, и он не считал нужным скрывать своё к нему отношение. Тот, в свою очередь, охотно огрызнулся в ответ:

– А я просил у Бога новые ноги. И что толку?

– Мне не нравятся такие сравнения. – Валентин Борисович был убеждённым атеистом, но к православию относился с уважением: покойная жена верила, и старик до сих пор ставил в чужой ему церкви свечи за упокой души Екатерины. – Да и у какого Бога ты просил?

– Их много напридумывали, я пытался дать взятку всем.

– И оказался никому не нужен? – не сдержался Валентин Борисович.

– Что? – не расслышал Кег.

– Чего звонишь, спрашиваю? – Старик решил побыстрее закончить разговор.

– Узнать, как твои дела.

Вот уже две недели Кег задавал этот вопрос не реже двух раз в день, и Валентин Борисович давно придумал ответ:

– Тренируюсь.

– Получается?

– Сегодня я убил крысу кинжалом, – не удержался от хвастовства старик. – Копьё застряло в лапе...

– Я их уже четыре дня так убиваю, – высокомерно оборвал его Альфред.

Иногда Альфред Кег вёл себя как настоящий ублюдок... Нет, иногда Альфред Кег вёл себя как человек, правда, настолько редко, что на долю старика таких случаев пока не выпадало.

– Ты, наверное, спишь со своим персом, – буркнул Борисыч.

Настроение было безнадежно испорчено.

– Как раз наоборот: не сплю, а тренируюсь, в отличие от некоторых.

«Ну, погоди, Кег, дойдём до дуэлей, тогда посмотрим, кто кого...»

– Так для чего звонишь? На самом деле?

– Завтра встречаемся с Ваятелем. Сам доберёшься или за тобой заехать?

Обычно Валентин Борисович не имел ничего против поездки в Курортный район дружной компанией, но в прошлый раз Кег устроил в микроавтобусе безобразную сцену, до визга разругавшись с Сашей, и старик решил отказаться:

- Сам доберусь. Мне по дороге к сестре надо заехать.
- У тебя нет сестры.
- Я скорее умру, чем познакомлю тебя с ней.
- Не боишься давать такие обещания?
- Я давно ничего не боюсь.
- Наверное, поэтому Ваятель и взял тебя в игру: других достоинств у тебя нет.
- С каких пор ты стал разбираться в достоинствах?
- Я прочитал о них в журнале с картинками, – хихикнул Кег. – Ладно, Урано, увидимся.
- Называй меня Борисычем!

В ответ – короткие гудки.

«Скотина! – Старик нервно сдал ни в чём не повинную трубку. – Скотина!»

Кег не просто раздражал – Кег бесил всех игроков, волею судьбы и Ваятеля оказавшихся с ним в одной команде, бесил настолько, что мог стать поводом уйти, если бы... Если бы новая игра не увлекала настолько сильно.

Администратор не обманул: после Церемонии Валентин Борисович погрузился в real FoolFeel, невозможный ни в одном онлайн проекте, и не собирался уходить на ранних уровнях.

...Шестьдесят девять лет – возраст?

Для кого-то – старость, дрема на лавочке в ожидании неизбежного конца. Кто-то полон сил, энергичен, работает, или руководит, или и то, и другое, хотя редко. Или учит, или даже научные труды пишет – в шестьдесят девять многие ещё ого-го какие живчики, и Валентин Борисович Снегирёв относился именно к ним: сил хватает, о существовании врачей напоминает лишь ежегодный медосмотр, жить интересно... Вот только от дел Валентин Борисович отошёл ещё в шестьдесят пять. Решил, что пришло время им с Екатериной пожить для себя, и отошёл. И первые два года «свободной жизни» стали похожи на сказку. Их с женой пенсии, плюс накопления, плюс сданная в аренду пятикомнатная квартира в центре Питера – доходы позволили старикам не вылезать из санаториев, минеральных вод и просто много путешествовать, набирая мили за всю предыдущую жизнь. Они объездили Европу, Северную Африку, добрались до Америки и Китая, накопили два жёстких диска фотографий и почему-то не сомневались в том, что сказка для них закончится одновременно. Как и бывает во всех сказках.

И ошиблись.

Потому что Екатерина Семёновна ушла первой.

Странно, однако те ужасные месяцы Валентин Борисович помнил в мельчайших подробностях: как ездил в больницу, как распоряжался на похоронах, а потом устраивал поминальную службу и поминки для небольшой компании таких же стариков. И как планировал самоубийство, Валентин Борисович тоже помнил отчётливо. Но не сложилось. И не потому, что духу не хватило: хватило бы, просто закрутился. Сначала дела скорбные, потом дочь с внуками приехала на два месяца, ежедневные прогулки, рассказы о старинном городе, бывшем некогда гордой столицей гордой империи. Рассказы об истории великой страны, походы по музеям, выставкам... Отвлёкся.

Жизнь не стала прежней, но стала похожей на жизнь.

Квартира в центре продолжала приносить доход, который во много раз превосходил потребности Валентина Борисовича. Пищу готовила домработница, и она же содержала в чистоте идеально отремонтированную «трёшку» на Седова, в которой старики планировали дожить свой век. И она же, всё та же домработница, напоминала Борисычу о необходимости оплаты счетов и покупке необходимых вещей. Во всём остальном старик был предоставлен

самому себе. Дочь звала в Москву, Борисыч в ответ шутил: «Погоди, разобьёт insult, тогда приеду», но в действительности попросту боялся покидать родной город, каменные стены которого придавали старику сил.

Борисыч верил, что умрёт, если осмелится предать город, в котором прошла вся его жизнь.

А оставшееся время убивал с помощью онлайн-игр, отдаваясь им с той же основательной серьёзностью, с которой некогда занимался проектированием подводных лодок. И которая создала Валентину Борисовичу репутацию крепкого и умного игрока. Три года в Сети, тысячи побед, уважение виртуальных друзей и как венец – предложение от администратора со странным псевдонимом Ваятель войти в засекреченный проект и принять участие в разработке нового поколения игр, ещё более приближённых к реальности.

«Ради такой возможности можно потерпеть Кега...»

Старик запустил ноутбук, сделал очередной заказ, перевёл деньги, бросил взгляд на письменный стол, в середине которого лежали тёмные очки и брелок – крупный зелёный камень в золотой оправе, – широко улыбнулся и отправился в ванную.

Утром курьер привезёт ещё десять крыс: пообщавшись с Альфредом, Валентин Борисович принял решение тренироваться чаще.

* * *

Вилла «Паллада»

Санкт-Петербург, Курортный район,

12 марта, суббота, 14.03

– Кладёшь крысу с одного удара? – изумился старик.

– Стабильно, – самодовольно подтвердил Кег.

– Кинжалом? – недоверчиво прищурился Пётр.

– Каким ещё кинжалом? – пренебрежительно отмахнулся Альфред. – Кинжал для неудачников и маменькиных сынков! Я предпочитаю гранатомёт!

– Гранатомёт? – изумлённо выдохнул парень. – Тебе уже выдали тяжёлое оружие?

И тут же покраснел, услышав взрыв презрительного хохота.

– Ну ты и олух! – всхлипнул Кег, театрально утирая слезу. – На гранатомёт повёлся... на гранатомёт...

– Заткнись! – Петя сделал большой глоток виски и отвернулся, мрачно глядя на залив. С его щёк постепенно сходила стыдливая краснота. – Урод.

Не урод, а калека, но если говорить о моральном облике Кега, то весьма близко.

Жизнь Альфреда Кега проходила в инвалидном кресле, что сильно ограничивало возможности для ответных шагов: ну не станет же плечистый, дышащий силой Пётр драться с калеккой, правда? И никто не станет. Даже по зубам не треснут в качестве демонстрации неудовольствия, подзатыльник не отвесят. Выругаются да отвернутся. И желчный Кег активно пользовался своим положением, постоянно поддевая и провоцируя товарищей. И не только их, а всех, кто встречался на пути.

– У меня с одного удара только копьём получается, – робко встала Саша. – И то не всегда... Несколько раз в пасть крысе засадила, а ещё один – в глаз.

– Я пробиваю ей сердце, – не глядя на женщину, сообщил Валентин Борисович.

– Две пары очков небось надевать приходится? – ехидно осведомился Кег.

Пётр молча добавил в свой бокал виски и сделал большой глоток. За Сашу он бы ещё вступился, но Снегирёв пусть сам с калеккой собачится, не маленький.

– Ты, кстати, крыс по возрасту подбираешь? Не младше шестидесяти?

– Я в питомник твою фотографию отправил и велел присылать похожих.

– Ау! Кто-нибудь знает, сколько живут крысы? Дедушка ищет ровесника для душевных разговоров!

– Они сказали, что таких страшных не держат, но привезут из-за границы.

– Красиво живёшь, Урано, импортных крыс препарируешь...

– Я просил не называть меня Урано!

– Альфред! – не выдержала Саша.

– Потом тобой займусь, – пообещал калека.

– Урод, – повторил Петя и сделал большой глоток виски.

Встречу в «Палладе», которую Ваятель обозначил своей штаб-квартирой, начали с недурного обеда: еду доставили из ближайшего ресторана, прислуживали нанятые там же официанты. Затем игроки переместились на большую веранду, с которой открывался превосходный вид на залив, расположились в креслах и на диване и расслабились, умиротворённо созерцая свинцовое весеннее небо да потягивая то, что пришлось по душе: бар «Паллады» не уступал лучшим заведениям Питера. Казалось бы: наслаждайся, расслабляйся, отдыхай, но перебранка, спасибо Альфреду, не заставила себя ждать.

– Слышь, старик, Урано тоже отдышкой страдает?

– А твой перс – инвалид?

– Мой перс, как я уже говорил, кинжалом убивает крысу с одного удара. – Кег обвёл игроков высокомерным взглядом. – Могу продемонстрировать.

– Крыса собирается убить крысу? – зло усмехнулся выведенный из себя Снегирёв.

– Могу и тебя прирезать, пень старый.

– Ноги короткие.

Саша едва не вскрикнула: настолько грубым показался ей выпад Борисыча, но в следующий миг молодая женщина вспомнила недавние выходки Кега, омерзительную сцену в микроавтобусе и отвернулась. Да, старик ведёт себя не лучшим образом, но он зол. И ругается с источником своей злости. И пусть ругается.

– Могу продемонстрировать, как можно убить говорливого старпёра с одного удара...

– Только не убить, – подал голос Ваятель.

Возбуждённые игроки совершенно позабыли об админе, который скромно занял угловое кресло, а потому громкая фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы, вызвав долгую оторопь.

– Не надо никого убивать, – усмехнулся Ваятель и выдвинул оригинальное предложение: – Подеритесь.

– Пенсионер с калекой? – отрывисто спросил Борисыч.

Кег осторожно хмыкнул, показывая, что в целом разделяет удивление старика, но в следующий миг его тонкие губы разошлись в довольной усмешке:

– Урано с Ардоло.

– Чёрт! – Борисыч прищурился: такого он не ожидал. – Как драться?

– На кулаках, – доступно, словно ребёнку, объяснил администратор проекта. – Только не до первой крови, поскольку крови не будет... И не до пощады: каждый из вас пойдёт до конца... Просто подеритесь, выплесните злость и ненависть.

– Друг на друга?

– Так будет честнее, чем на окружающих, – проворчал посасывающий виски Петя.

– Ты следующий, – скривился на него Альфред.

– Если выживешь.

– Пасть захлопни.

– Прямо здесь драться? – уточнил Снегирёв. Он уже понял, что им разрешили дуэль, первую дуэль в игре, обрадовался и задал вопрос деловым, но весёлым тоном.

– На столе. – Ваятель выбрался из кресла, мягко прошёлся по комнате и провёл указательным пальцем по тёмному дереву столешницы. – Заодно определим правила: проигрывает тот, кто признает поражение или полетит на пол.

– Я уберу приборы. – Саша встала.

И тут же села.

– Не надо, так веселее, – качнул головой Ваятель. И по очереди посмотрел на игроков. – Что скажете?

– Я готов. – Кег раскрыл притороченную к инвалидному креслу сумку, достал футляр с очками и брелок – крупный чёрный камень в когтистой золотой лапе.

– Я тоже, – кивнул Борисыч. Но было видно, что старика слегка беспокоит очевидный энтузиазм калеки. – Сейчас...

Очки и брелок Снегирёв хранил в кармане куртки, и потому ему пришлось сходить в холл.

– Кто удержится на столе, тот и победил, – повторил единственное правило Ваятель. – Всё запомнили?

– Да, – почти хором подтвердили мужчины, обменявшись недобрыми взглядами.

И выложили на стол брелоки.

– В таком случае к бою.

Противники нацепили очки и торопливо забубнили заклинания, а Саша, которая впервые наблюдала за трансформацией со стороны, заворожённо уставилась на стол.

«Волшебство или наука?»

Несмотря на странность происходящего, внешний вид персов, их возможности и дурацкие четверостишия, которыми они вызывались, Саша до сих пор не была уверена в их волшебном происхождении. Сама возможность существования магии противоречила всему, чему молодую женщину учили в школе и университете, а потому не укладывалась в голове. Ведь не в сказке же она оказалась, правда? Не в кино? Она по-прежнему варит по утрам кофе, а не отвар из кожи бледных ящериц, ездит на автомобиле, а не на самодвижущейся печке, ругается с людьми, а не гоблинами, другими словами, пребывает в самой обыденной обыденности, в которой... В которой с недавнего времени появились выпрыгивающие из брелоков персы.

Разум отчаянно искал происходящему научное объяснение, но не находил. И новая информация – сторонний взгляд на появление перса – ясности не прибавила.

Сначала зелёный брелок – женщина наблюдала за камнем Борисыча – механически распался на части. Раскололся, сохранив лишь тонкие связующие нити. Каждый обломок стал торопливо изменяться, не только перестраиваясь, но и увеличиваясь в размерах. Всё происходило весьма быстро, поэтому детали ускользали: Саша переводила взгляд с одного обломка на другой, фиксировала их промежуточные состояния и вздрогнула, когда металлические нити потянули части друг к другу. Над получившимся смещением возникло густое тёмно-красное марево, и где-то в его центре материализовался зеленокожий Урано.

Которому тут же засадил в челюсть антрацитово-чёрный Ардоло.

– Сигнала к бою не было!

– Не важно! – отмахнулся Ваятель.

Он настаивал на уличной драке с единственным ограничением – без оружия, и он её получил. Всё остальное администратора не волновало.

Зато вывело из себя Сашу:

– Петя!

– Всё нормально. – Увлечённый парень взял женщину за руку. – Это всего лишь персы.

И облизнул губы, не отрывая взгляд от стола.

– На!

Урано перекатился через голову и ловко подсек Ардоло, тот рухнул на стол, но тут же попытался достать зелёного ногой. Урано увернулся, бросился вперёд, намереваясь развить успех, но наткнулся на встречный в челюсть, во второй раз огребая по массивному подбородку.

– Ух!

Зелёный отлетел в сторону.

Саша повернула голову к дивану, рядом с которым стояло инвалидное кресло, и тихонько вздохнула, увидев ожидаемое: мужчины напоминали спящих. Голова Кега безвольно упала на грудь, голова Борисыча запрокинута на спинку; рты полуоткрыты, у калеки уже потекла слюна; плечи поникли, руки расслаблены... А поперёк лиц – массивные чёрные очки. И вот они, здоровенные чёрные наросты на размякших лицах игроков, почему-то вызвали у женщины отвращение.

– Петя...

– Подожди... – Легче передвинуть Эверест, чем оторвать мужчину от созерцания боя без правил. – Разве тебе не интересно?

– Интересно, – прошептала Саша, отворачиваясь от застывших мужчин. – Интересно...

В конце концов, она сама выбрала хардкор: не искала предметы, не выращивала ферму на зелёной травке, не строила города и не распутывала головоломки, а рубилась в боях и ругалась в общем чате. Теперь ей предоставили шикарную возможность жить в игре её мечты.

«Разве это плохо?»

Неожиданно... И грубее: онлайн-побоища не заканчивались выбрасыванием окровавленных крыс... Зато проект Ваятеля был настоящим и по-настоящему же увлекал.

– На!

– Чёрт!

– Гад!

– Убью!

Удары сыпались, как из рога изобилия, но крепкие шкуры пока держали.

– Он хочет его задушить! – выкрикнул Петя.

Урано ухитрился накинуть на шею Ардоло пояс.

– Какой молодец! – одобрил Ваятель.

– Вы же говорили: без оружия.

– Теперь уже всё равно.

– Согласен.

Сложением шестидюймовые персы сильно походили друг на друга: оба плотные, с широкими плечами, длинными мускулистыми руками и мощными толстыми ногами. Пропорции были нарушены, и потому язвительный наблюдатель мог разглядеть в сложении воинов обезьяньи черты, но такие мелочи, как смешки окружающих, разработчиков не волновали абсолютно. Они хотели получить устойчивых и крепких бойцов, и они их получили, на всё остальное – плевать. Отличались же противники цветом кожи и мелкими деталями: голову Ардоло венчали короткие рога, а из копчика выходил довольно длинный хвост, заканчивающийся острым наконечником; Урано же мог похвастаться «коронай», лучи которой образовывали острый как бритва трезубец, и твердыми костяными ступнями, столь же подвижными, как обычные, но весьма опасными в бою. Учитывая природное оснащение противников, предложение Ваятеля обойтись без оружия выглядело достаточно условным.

– Сотню на Ардоло, – отрывисто бросил Петя.

– Не принимаю, – усмехнулся админ. – Урано не устоит.

И под его словами мог подписаться любой человек, которому доводилось драться хотя бы раз в жизни.

Ярость – вот что демонстрировал Ардоло. Ярость и потрясающее мастерство владения телом. Чёрный быстрее двигался, резче атаковал и при каждом удобном случае использовал

хвост, заставляя зелёного уклоняться и отступать. И если в начале боя Урано сражался на равных, то к тому моменту, когда Саша вернулась к поединку, зелёный уже проиграл. Еще не официально, но уже очевидно. Удар в голову – блок, удар в корпус – блок, удар в голову – прошёл! Ардоло давил, а защищался Урано всё более и более сумбурно, не успевая за яростным врагом. Ещё один удар, ещё! Персы крепки, как боксёры, их не «поведёт», но управляющий Урано старик попросту запутался, растерялся и тем подписал себе приговор.

Подсечка. Урано летит на стол, и оказавшийся рядом Ардоло бьёт упавшего ногами, заставляя защищать голову.

– Остановите!

– Зачем? – удивляется Ваятель.

– Но...

– Урано должен сдаться, – произносит увлекшийся Петя.

– Он не хочет!

– Не хочет проигрывать – пусть побеждает.

Только победа, только хардкор. Саша закусывает губу.

Зелёному удалось поставить ловкий блок и вновь вскочить на ноги. Но только для того, чтобы пропустить сокрушительный выпад: озверевший Ардоло подхватывает чайную ложку и со всего размаха лупит ею противника.

– Господи!

Урано летит со стола.

– Это не по правилам!

– А их и не было, – негромко тянет Ваятель. Он наклонился, поднял с пола зелёный брелок, дождался, когда пришедший в себя Борисыч снимет очки, и продолжил: – Очень слабое выступление, Валентин Борисович, я разочарован.

– Знаю, – хрипло ответил старик.

– Сколько же ты тренируешься? – осведомился Пётр, с уважением глядя на инвалида.

– Столько, чтобы хорошо получалось.

– У тебя получается лучше всех.

– Теперь ты понимаешь, что я вкладываю в понятие «хорошо». – Кег помолчал, но не удержался, добавил: – Трудно качаться без доната?¹

Ни к кому конкретно он не обращался, но все прекрасно поняли намёк. Борисыч, нервно поигрывающий брелоком, пробурчал в ответ что-то невнятное, Саша скривила губы и отвернулась, и только Пётр ответил на выпад:

– Без доната прикольно. Как будто по-настоящему.

И улыбнулся. Кег тоже обозначил ухмылку, но едко пройти по замечанию парня не успел: следующим предложением Петя врезал ему от души:

– Но я не могу тратить на игру столько же времени, как ты. Надо и для себя пожить, погулять в реале. Понимаешь, о чём я? – Короткая пауза и безжалостная расшифровка: – Танцы, девушки, быстрые машины...

Ответ получился жестоким.

Несколько секунд Альфред злобно таранился на обидчика – пальцы калеки подрагивали от бешенства, – но сдержался, буркнул:

– Я для себя и живу.

После чего уехал к дальнему окну.

Саша тихонько вздохнула, осуждающе покачала головой, но промолчала. А вот старик неожиданно зло осведомился:

– Доволен собой?

¹ **Донат** (сленг) – вложение в онлайн-игру реальных денежных средств с целью облегчения игрового процесса.

Чем вызвал удивлённые взгляды: учитывая только что прошедшую дуэль, никто не ожидал, что Борисыч вступится за калеку.

Пётр пожал плечами:

- Я только ответил.
- Очень жестоко.
- Как он заслужил.
- Он многое пережил.
- Это не дает ему права быть свиньей.
- Но...

Вежливость и воспитание требовали оставить последнее слово за Снегирёвым, и в обычном случае парень наверняка сдался бы, но... Но не сейчас.

– Никто из нас не виноват в том, что случилось с Кегом, – резко бросил Пётр. – Никто из нас не задевал его и не смеялся над ним. Мы с уважением и пониманием отнеслись к его проблемам, но я, в отличие от вас, не собираюсь терпеть его наглость.

– Скотина! – прокомментировал Альфред.

– Ублюдок, – не остался в долгу Петя.

– В целом мне нравятся ваши успехи, – громко произнёс Ваятель. – Ардоло, конечно, вне конкуренции... – Калека резко кивнул. – Но я знаю, что Изгрино и Грата действуют не хуже Урано, а значит, прогресс налицо. Для двух недель – очень хорошо.

– Откуда вы знаете? – подняла брови Саша. – Вы ни разу не были на моих тренировках.

Которые проходили у игроков дома, на выданных админом лабиринтах. В «Палладу» же игроки приезжали каждые четыре дня, но ни разу не проводили на вилле бои: сдавали Ваятелю брелоки «на техобслуживание» и общались до тех пор, пока не получали их обратно. Потом разъезжались.

– Очки присылают отчёты, – развел руками админ.

– Вы за нами следите?

– Поменьше наивности, пожалуйста, я не слежу, а защищаю вложения. – Ваятель поднял вверх указательный палец. – Очень серьёзные вложения, между прочим, и я не намерен отдавать их в руки лентяям. Вы должны исполнять договорённости.

– Мы не лентяи, – бросила Саша. – Во всяком случае, я.

И получила в ответ широкую улыбку:

– Я знаю.

– А если мне станет скучно? – вдруг осведомился Пётр, в очередной раз наполнивший стакан виски. – Я уже две недели избиваю крыс, считай, мобов², не пора ли заняться чем-нибудь поинтереснее?

– В продаже имеется огненный меч двадцать третьего уровня.

– Правда?

– Конечно, нет. – Админ помолчал, убедился, что все игроки его внимательно слушают, и продолжил: – В нашей игре значение имеет не уровень, а то, как вы управляете персом. Ваше умение. Ваше мастерство. Тупые донатеры, умеющие лишь наличными шелестеть, мне не требуются. Во всяком случае, сейчас не требуются, потому что я хочу посмотреть, как далеко заведёт вас игра.

– Мы дойдём туда, куда захотим, – негромко произнёс Кег.

Ваятель обернулся, несколько долгих секунд разглядывал подавшего голос инвалида, после чего очень серьёзно произнёс:

– Я так и сказал.

² **Моб** (сленг) – искусственный противник в компьютерной игре.

* * *

*Муниципальный жилой дом
Москва, переулок Расковой,
19 марта, воскресенье, 18.26*

– Дорогой, я опять не могу найти бюстгальтер, – крикнула из соседней комнаты Всеведа. – Видел его?

Я плотоядно улыбнулся. Действительно плотоядно, вы уж мне поверьте. Среди моих потрясающих способностей присутствует отлично развитое умение «улыбка хищника», которая вгоняет в дрожь мужчин и повергает в смущение женщин. «Улыбка хищника» сражает неподготовленных собеседников наповал, пользуясь я ею нечасто, а сейчас она возникла сама собой, в качестве приложения к приятнейшим воспоминаниям.

– Дорогой, ты меня слышал?

Хм... Не только слышал, но и видел! Я погладил лежащий на подлокотнике кресла бюстгальтер – поверьте на слово, конкретно эта штука носила своё имя с большим достоинством, – и вновь улыбнулся. Всё той же плотоядной улыбкой.

– Я не могу найти бюстгальтер!

– Это потому, что у тебя нет дедуктивных способностей, дорогая, – сообщил я.

Ну, надоело мне молча улыбаться. Имею право.

– Дедуктивных?

– Ага.

– Как в книгах о знаменитых частных сыщиках?

– Совершенно верно.

– У меня есть другие способности.

– И обалденные!

Чёрный бюстгальтер, красивый и с весьма объёмными чашечками, наводил на сладкие мысли о хозяйке и фантастических занятиях, которым мы с нею предавались последние несколько часов. Выныривать из этих мыслей я не хотел и потому продолжал улыбаться и поглаживать кружева.

– Значит, говоришь, дедукция? – негромко произнесла остановившаяся в дверях Веда. – Которой у меня нет?

– Зачем она тебе? – развел я руками, принимая самый недоумённый из удающихся мне недоумённых видов. – У тебя и так всё замечательно.

Любимая успела надеть только джинсы да туфли на шпильке, все прелести выше пояса были открыты моему жадному взору и немедленно были этим самым жадным взором ошупаны, оглажены и оттисканы. Мы вместе уже полтора года, но Всеведой я по-прежнему могу любоваться часами.

– Подбоченься, пожалуйста, – попросил я. – А плечи подай чуть назад.

Думаете, она подчинилась? Ага, сейчас!

– Иногда мне до ужаса хочется прибить одного чересчур нахального современного шерлохолмса, – сообщила Веда, медленно приближаясь ко мне.

Видели когда-нибудь львицу на охоте? Очень похоже.

– Борись с этими желаниями, – пробормотал я, пряча бюстгальтер за спину.

– Почему?

– И не надо сравнивать меня с вымышленным литературным персонажем. Шерлок Холмс не раскрыл бы ни одного дела из тех, что я щёлкаю как семечки.

– За что я тебя терплю? – осведомилась любимая.

– Ты предо мной преклоняешься. Так же, как и многие, многие другие... – Веда сделала вид, что собирается меня ударить, я дернул её за руку, повалил на себя и сжал в крепких объятиях. – Пожалуй, я тебя никуда не пушу.

Любимая предпочитала лавандовые духи, и в последнее время голова у меня начинала кружиться от одного только запаха этого цветка.

– Я говорила, что не смогу остаться – у меня дежурство.

– Скажись больной.

Облегающие джинсы в сочетании с обнажённым телом сводили меня с ума. А тут ещё лаванда... И губы, что скользят по щеке... И тонкая рука на плече...

– Дорогой, у меня болит голова.

Господи, женщины, вас специально учат выбирать самый неподходящий момент для этой фразы?

– Ты лжёшь.

– Ах да, твое второе имя Полиграф...

– Именно.

– Полиграфыч.

– Не надо так шутить, дорогая, ведь у меня настоящее человеческое сердце: большое, нежное, любящее.

– Правда? – притворно удивилась Веда.

– Люблю жизнь во всех её проявлениях, – не стал скромничать я.

– Венцом которых стал ты.

Очевидное замечание я оставил без комментариев.

– Люблю виски...

– Что роднит тебя с Красными Шапками.

– Люблю...

Продолжать я не стал, поскольку мы никогда не говорили о чувствах.

Я заткнулся, но пауза не успела стать неловкой.

– Смотри не лопни от любви.

Веда выскользнула из объятий, уселась на подлокотник и принялась натягивать захваченный бюстгалтер. Одевалась любимая изящно. Не спеша... При вас когда-нибудь одевалась прекраснейшая на Земле женщина? Не раздевалась, а именно одевалась. Попробуйте как-нибудь, если, конечно, будете столь же удачливы, как я, и рядом с вами окажется настоящая богиня. Ну а пока не попробовали, поверьте на слово: это не менее сексуально, чем когда она раздевается. Роскошное тело постепенно скрывается из виду, окутывается тканью, прячется, и появляется непреодолимое желание немедленно сорвать проклятую одежду, которая осмелилась скрыть такое великолепие.

– Я помогу?

– Знаю я, чем заканчивается твоя помощь, – улыбнулась Веда, поднимаясь на ноги.

– На это и рассчитываю. – Я тоже вскочил, обхватил любимую руками и повалил на кровать. – Извини, но на дежурство ты слегка опоздаешь...

– Мерзавец...

– Знаю... – Я как раз занялся её джинсами.

– Тебе дня не хватило?

– А когда нам хватало?

Всеведа тихонько рассмеялась и покорилась неизбежному.

Это моё второе имя – Неизбежность. Враги знают.

...Расставшись с опаздывающей на дежурство любимой, я какое-то время бездумно бродил по квартире, ероша мокрые после душа волосы, затем взгляд мой наткнулся на бар, в котором скучала бутылочка арманьяка, и я тут же вспомнил о...

Стоп!

Чего это я всё о других да о других? С любимой вы уже познакомились, сейчас узнаете об одном моём старом товарище, а как же я? Что вам известно обо мне? Да ничего! А потому позвольте представиться: Юрий Федра, владелец, исполнительный директор и самый опытный сотрудник детективного агентства «Юрий Федра». А теперь героические подробности: рост шесть футов и четыре дюйма, волос светло-русый, густой, пушистый, прямой, нос аккуратный, ни разу не сломанный, глаза серые, взгляд умный, рот соразмерный, подбородок волевой, лицо в целом мужественное и привлекательное, если верить женщинам... В общем, я красив, словно Аполлон, однако далеко не глуп и, несмотря на чарующую внешность, не стал рекламной физиономией какой-нибудь солидной бухгалтерской фирмы. Но заниматься чем-то достойным моего могучего интеллекта – ядерной физикой или квантовой механикой – тоже не стал, поскольку тяга к приключениям забросила меня на славное поприще частных расследований, где я достиг невиданных высот.

Вы, наверное, уже заметили, что ко всему прочему я невероятно скромнен? Не самое главное из моих достоинств, но тоже присутствует.

Однако даже моя врождённая и тщательно пестуемая скромность не позволит мне промолчать о том, что имя Федра – это знак качества. Два года назад я триумфально ворвался в Тайный Город, сразу же оказавшись на первых полосах «Тиградком», стал знаменит, популярен и с тех пор упрочил своё положение, расследовав несколько весьма серьёзных дел. Нет, я не маг. Магические способности, увы, на нуле, и колдовство к моим достоинствам не относится. Зато я внимателен и не дурак, а современные волшебники, как я успел заметить, слишком уж полагаются на силу и потому бывают... Как бы помягче выразиться... В общем, иногда современные колдуны несколько ограничены, неспособны правильно прочесть всю тонкость происходящего, предпочитают рубить сплеча, не видят выхода и оказываются в тупике. И тогда на сцене появляюсь я: остроумный, опытный, всё подмечающий, хладнокровный...

Честно говоря, первые полгода в Тайном Городе получились тяжелыми. Чтобы разобраться в происходящем, мне пришлось как следует изучить магическое настоящее скрытой от человеческих глаз Москвы, разобраться в хитросплетениях непростых отношений Великих Домов и их вассальных семей, а также запомнить действия и последствия многочисленных заклинаний, артефактов, алхимических снадобий и других колдовских штучек, которые, как выяснилось, работают не только в сказках. Но я справился и теперь, несмотря на то, что считаюсь молодым горожанином, весьма неплохо ориентируюсь в реалиях Тайного Города.

Пока же, прихватив бутылочку арманьяка, я направился в магазин «неПростые подарки», в который частенько забредал последние два года. Ну, если вам интересно, то предварительно я переоделся, сменив халат на джинсы, рубашку, ботинки и куртку. И даже «Дырку жизни» сунул в карман – в последнее время я без неё никуда. Приятно, знаете ли, сознавать, что в пиковой ситуации портал автоматически перенесёт меня в приемную лучшей клиники Тайного Города. Правда, в первую очередь эрлийцы ампутируют пациентам бумажники, но это приемлемая плата за спасение жизни. Деньги можно заработать, а вот летальный исход не поправишь...

Так вот, о магазине «неПростые подарки», в который я с недавних пор зачастил. Его владелец, Евгений Стальевич Хамиев, мой сосед по дому, на поверку оказался почтенным шасом Ежером Хамзи из семьи тех самых Хамзи, которые прибыли к Уратаю с первым караваном из Мульпеги. Всё понятно? Ага, это меня понесло на историю Тайного Города. Именно Стальевич помог мне разобраться с обезумевшим от горя чудом, свихнувшимися от вседозволенности ведьмами и чокнувшимся магистром Саламандром. Короче, в той истории, которую журналисты «Тиградком» обозвали «Мистерией мести» и о которой я говорил в прямом эфире с самим

Каримом Томбой. В финале же Стальевич поручился за меня перед Великими Домами, что в итоге позволило мне войти в Тайный Город...

Звякнул привязанный к двери колокольчик, здоровенный датский дог приоткрыл правый глаз, убедился, что это я, и снова погрузился в дрему.

– Гамлет, привет!

Без ответа.

Если думаете, что под личиной здоровенной собачки пряталась здоровенная собачка, то вы сильно ошибаетесь. Компанию Стальевичу составлял сделанный на заказ голем, способный перекусить стальной прут и порвать на лоскуты средних размеров тигра. Я видел Гамлета в бою и знаю, о чём говорю.

– Юра! Давно не заходил!

– Целых три дня.

– Четыре.

Шасы, конечно, не такие зануды, как эрлийцы, но любят продемонстрировать окружающим, что умеют считать. Не зря же их главная сфера – финансы.

– Хорошо, четыре.

– Если друзья долго не звонят, значит, у них всё хорошо?

– Значит, у них как всегда, Евгений Стальевич: отдыхают, работают, совершают подвиги.

– А-а...

Называть старика настоящим именем я так и не привык, но он не обижался. К тому же у шасов не принято добавлять отчества, и потому ценящий почтительность Стальевич не имел ничего против человеческого обращения. Говорил, что его папе – Сталеру Хамзи, величайшему специалисту по замечательным подаркам в истории Тайного Города, – было бы приятно.

– У меня есть кусочек прекрасного сыра.

– А я не забыл лимон.

– Возьми какой-нибудь нож со стены, – разрешил шас, направляясь в заднюю комнату.

Но тут же замер в дверях и добавил: – Только помыть не забудь, а то знаю я тебя.

Гамлет чавкнул во сне, словно подтверждая: да, знает, ещё как знает.

– Обязательно.

– И повесь потом на место.

– Ага.

Что касается ножей, то их в «неПростых подарках» было столько, что средних размеров ножевая фабрика наверняка разорилась бы от зависти. Охотничьи и боевые, парадные, ритуальные и церемониальные, бронзовые, стальные и даже деревянные: поверьте, правильно исполненный нож из сердцевины учурского пня, который умеют растить исключительно в Зелёном Доме, проигрывает лишь чёрным навским клинкам. Правда, стоит он в три раза дороже... Но я отвлекся. Если вы вдруг решили, что в «неПростых подарках» подают исключительно средства холодного уничтожения, то опять ошиблись: Стальевич специализировался на всём, что имеет смысл дарить, нужно дарить или хотя бы в теории можно рассматривать в качестве подарка. Оружие, статуэтки, утварь, драгоценности, редкие зелья, креативные магические устройства... Да, да, старый проныра ещё в младенчестве получил лицензию на продажу младших волшебных талисманов и баловал обыкновенных челоу необыкновенными подарками.

– Нарезал?

– Да. – Под лимон я использовал тарелку с панорамными видами парка «Покровское-Стрешнево», но твёрдо пообещал вымыть её вместе с ножом. – И нарезал, и разлил.

Аромат арманьяка кружил голову не хуже лаванды. Впрочем, каждому аромату своё время, не так ли? И сейчас я переживал период крепкого алкоголя.

– Твоё здоровье.

– Ваше здоровье.

Посетителей в лавке не было и, похоже, не предвиделось: всё-таки вечер воскресенья, а потому старик позволил себе расслабиться на рабочем месте. Мы разместились в креслах под пальмой, глотнули чарующего из пузатых бокалов, насладились удивительным вкусом и разошедшимся по телу теплом.

- Замечательно, – одобрил Стальевич.
- К такому знатоку, как вы, стыдно приходить с чем-нибудь заурядным.
- Как твои дела?
- Не настолько плохи, чтобы жаловаться.
- Как Всеведа?
- Гм...

Отношения между Зелёным Домом, подданной которого являлась прекраснейшая в мире женщина, и Тёмным Двором, к которому принадлежал Стальевич, оставляли желать лучшего, никогда не теплея выше уровня «временный настороженный союз». Соответственно шас относился к моей связи с пониманием, но без восторга. Сначала, как все остальные, Стальевич сильно удивлялся тому, что занимающая высокое положение фата твердого уровня «жрица» увлеклась не обладающим магическими способностями челом, потом перестал. И все перестали. Сейчас мы с Ведой превратились в привычную, не вызывающую изумления аномалию, переставшую быть темой сплетен номер один. А мужчины, даже концы, посматривают на меня с большим уважением. Чего и вам желаю.

- У Всеведы всё прекрасно. Передаёт вам привет.
- Легкая ложь в целях улучшения взаимоотношений.
- Ты уже пил с ней из тех бокалов?

Слово «тех» Стальевич специально выделил голосом, но я и без подсказки догадался бы, о чём идёт речь: о двух удивительных бокалах, которые старый торговец втюхал мне пару лет назад. О двух бокалах для особого случая... которые я пока не рисковал доставать.

- Нет, ещё не пил.
- Ты в ней не уверен?

Как мне ответить на этот вопрос? Я добавил арманьяка в бокалы, жестом предложил Стальевичу выпить, сделал небольшой глоток, откусил сыра и развёл руками:

- Нам очень хорошо вместе... Наверное.
- Шас правильно понял мою оговорку и качнул головой:

– Всеведа – сильная женщина, она не опустится до лжи тебе и уж тем более до лжи себе, самоуважение не позволит, – и вновь поднял бокал. – Ей действительно хорошо с тобой, Юра, ты молодец.

- Спасибо.
- Но помни, что постоянно обожаемая женщина теряет чувство реальности.
- Нам это не грозит.
- Надеюсь.

В разговорах со Стальевичем я впервые настолько глубоко коснулся наших с Всеведой отношений и чувствовал себя несколько неловко. Старик, судя по всему, понял моё состояние и бодро велел:

- Бутылка почти полная! Наливай!
- С удовольствием.

Обычно шасы предпочитали коньяк, но Стальевич ещё в тридцатых подсел на «гасконскую отраву», как он называл арманьяк, и с тех пор не изменял ему.

Я разлил по бокалам жидкую прелесть и услышал негромкое:

- Тебя не смущает, что Всеведе больше ста лет?
- Зато мы будем стареть вместе, – улыбнулся я. – Я прикинул, что стану дряхлым раньше неё, но ненамного.

- Да ты прям образец здорового прагматизма.
- Проверка показала, что в моём роду шасов не было.
- По документам, Юра, по документам, – рассмеялся старик. – А там кто его знает?

Тайный Город не чужд интрижек...

- И наша с Ведой ситуация это подтверждает.
- Именно!

Бокалы вновь соприкоснулись, Гамлет шумно зевнул, какой-то подарок заскрежетал зубами, старик сообщил, что «всё нормально – раз в день можно», и перевёл тему на последние сплетни из жизни светского общества. Воскресный вечер плавно перетекал в воскресную ночь.

* * *

Вилла «Паллада»

Санкт-Петербург, Курортный район, 22 марта, вторник, 12.47

- Не отставай!
- Осторожно!
- Лучше сдавайтесь!
- Не дождётесь!
- Огребёте ведь!

Был ли у них шанс? Ответить невозможно. Особенно сейчас, в разгар побоища, когда клинки звенят, из горла рвутся хриплые вопли, ругань и шумное дыхание, а на душе царит остервенение, щедро одобренное желанием победить.

Во что бы это ни стало победить!

- Вам конец!
- Суки!
- Падайте и плачьте!
- Суки!

Новая локация для подросших воинов – а теперь игроки управляли двенадцатидюймовыми персами – представляла собой отлитую из бетона крепость площадью три на четыре ярда. Высота стен – полтора ярда, главной башни – два с половиной. Внутри – трехуровневый лабиринт с многочисленными ловушками, который игроки уже проходили и поодиночке, и командой. Трудный лабиринт, но сейчас он заперт, а бой идёт за установленный на главной башне штандарт: Урано и Ардоло в защите, Изгрино и Грата атакуют.

– Как вам вечерний чай?

Сверху льётся кипяток. Боль несильная – шкура у персов крепкая, но глаза приходится закрывать и продолжать подъём на ощупь. Судорожно цепляясь за малейшие выступы на бетонной стене, прижимаясь к ней, к родной, словно к любимой женщине. Кипяток обжигает затылок, спину, руки намокают, лезть становится труднее.

– А теперь специальное предложение!

На второе штурмующим приготовили горячее масло, но поздно, слишком поздно – с него надо было начинать.

Изгрино ухитряется вставить в щель нож, наступает на рукоять, срывает с плеча «кошку» и с резким: «Ха!» забрасывает её наверх.

– Чёрт! – ругается Урано, взмахивая клинком.

Но к «кошке» тянется не верёвка, а цепь, её не перерубишь, и, пользуясь мгновенным замешательством защитников, Изгрино стремительно преодолевает оставшееся до края башни расстояние и обнажает меч.

– Всем привет!

По условиям игры у нападающих нет права на длинное оружие, копьё остались в арсенале, но трудности ведь закаляют, правда?

– Получи!

– Козёл!

– Уроды!

Урано и Ардоло бьются копьями, им Ваятель длинное оружие разрешил, и противостоять двум подготовленным бойцам в одиночку невероятно трудно. Но Изгрино не отступает, наоборот, уверенно идёт вперёд: в его руках уже два меча, и управляется он ими с потрясающим искусством. Удар, блок, выпад, копьё поломано, ещё один выпад, Урано прыгает назад.

– Уроды!

– Ща дождёшься!

Изгрино ухитряется перейти в атаку, но его напарник...

– Слева!

– Получи!

– Проклятье!

Едва Грата поднялась на башню, умный Ардоло оставляет Изгрино, резко поворачивается и мощно бьёт розовую воительницу в грудь. Копьё у Ардоло тупое, но в запарке боя кажется, что лучше уж острое, лучше настоящее, чтобы смерть – и всё. Смерть без позора.

Но позор случился.

Грата нелепо взмахивает руками и летит к подножию башни. Вскикивает и слышит сверху противный смех.

– Изгрино?!

– Дерьмо...

Кусок стены неведомым образом превращается в экран, и Грата видит происходящее на площадке. И звереет, наблюдая за тем, с какой безжалостностью Ардоло и схвативший сменное копьё Урано избивают Изгрино. Специально не сбрасывают вниз, а бьют, молотят...

– Изгрино!

И вид расправы удесятерит силы.

Грата взбирается по всеми забытой цепи с невероятной даже для перса скоростью, словно взлетает на верхнюю площадку. Бешенство, ненависть, ярость, злоба – мир потонул в коктейле сильных чувств. Мира нет, есть только враги и то, что она к ним испытывает.

– Изгрино!

Увидев избиение воочию, Грата на несколько секунд замирает. Синий почти не сопротивляется, едва поводит мечами. Урано в стороне, а вот Ардоло продолжает наносить удары.

– Мразь!

Пришедшая в себя Грата налетает сбоку и бьёт чёрного щитом. Сначала щитом. Опрокидывает врага на землю и лупит деревянным мечом по голове, хотя Ваятель не раз предупреждал об опасности таких ударов.

– Мразь! Сволочь! Тварь!

Урано бросается на помощь, но окрылённый поддержкой Изгрино прыгает сзади, обхватывает зелёного за торс, поднимает и швыряет вниз. И тут же отцепляет «кошку», отрезая Урано легкий путь вверх. Грата продолжает избивать Ардоло, но останавливать её Изгрино не собирается. Лишь улыбается опухшими губами, кивает, словно так и надо, затем подходит к флагштоку, срывает штандарт и радостно кричит.

Он победил.

Он – высокий плечистый красавец, обладатель глубоких синих глаз и роскошной, пшеничного цвета шевелюры. Пётр Гаврилов, один из «золотых» мальчиков Северной столицы.

Детство и юность Петра получились безоблачными, да и какие могут быть проблемы у ребёнка, чей папа прочно вошёл в городской истеблишмент? Лучший детский сад, лучшая школа, три старших класса – в Англии, подготовка к поступлению в Оксфорд, учеба в Оксфорде, без особенных успехов, правда, но в крепких середняках. Окончание Оксфорда и неожиданное, можно сказать, необъяснимое возвращение домой. Все были уверены, что проливной папаша обеспечит единственному сыну тёплое местечко в дальних странах, но Сергей Гаврилов решил не отпускать чересчур беззаботное чадо в свободное плавание. Пётр не видел необходимости работать, охотно пускался в длительные загулы, и только постоянное присутствие отца удерживало его в рамках приличий. Сергей понял, что без контроля сын пропадёт, и принял меры.

А тёплое местечко отыскалось и на родине – начальником бессмысленного департамента в филиале крупного московского банка, денежная и непыльная работёнка. Для кого-то – предел мечтаний, но Петра она не радовала, парень дураком не был и прекрасно знал, чего стоит его «успешная карьера». Оказавшись в офисной ссылке, Петя пристрастился к онлайн-играм и через некоторое время понял, что отыскал второе занятие, которое его действительно увлекает, второе после автогонок. Пётр не «убивал» время за компьютером, а именно играл, вкладывал деньги, но не бездумно, никогда не делал ставку на грубую силу и постепенно заработал репутацию толкового и очень опасного игрока, с которым лучше не связываться.

И тем привлёк внимание Ваятеля...

– Ты что творишь?! – рявкнул Кег, злобно глядя на Сашу.

– Хлебало зашей, – не менее зло посоветовал инвалиду Петя.

– Пусть ответит!

– Шёл бой, – пожал плечами женщина и чуть подвинулась к Петру. – Всё нормально.

Крепость Ваятель построил в дальнем уголке участка, в окружении густых кустов, а очнулись игроки на знакомой веранде – Пётр с Сашей на диване, Альфред с Борисычем в креслах – и сразу же затеяли свару.

– Ты могла искалечить Ардоло!

– Надо было сдаться.

– Не указывай мне, как нужно играть!

– Вот-вот.

– Зараза...

– Не нравятся суровые бои – выращивай арбузы на ферме.

Благоразумно помалкивавший Борисыч с интересом посмотрел на Кега, но инвалид, как ни странно, заткнулся. Издал невнятный звук, словно похоронив где-то в горле грубое ругательство, поджал губы и отвернулся.

«Почему?»

Но ответить самому себе не успел, поскольку услышал неожиданное:

– Спасибо, – негромко, но с чувством произнёс Ваятель, и Альфред ответил сдержанным кивком в ответ.

«Что происходит?»

Тем временем администратор снял с колен ноутбук, на котором смотрел трансляцию боя, выбрался из кресла, предложил игрокам выпить: Саше – белое вино, Борисычу с Кегом – красное, Пете – воду, и с улыбкой продолжил:

– Когда я только приступал к проекту, меня особенно волновал вопрос чувств. Сможет ли игрок, управляющий персом посредством технического соединения, испытывать их во всей, так сказать, красе? Будут ли эти чувства столь же сильны и оказывать такое же влияние, как в жизни? Ведь эмоции способны убить потерявшего голову бойца, и они же могут привести его к победе...

– К чему выступление? – нахмурился Пётр. – О чём вы?
– О Грате, – хмуро ответил Кег. – Она поимела нас с помощью чувств.
– Саша вас просто поимела.
– Саша пережила эмоциональный шок, благодаря которому ей удалось невозможное – прыгнуть выше головы, – мягко продолжил Ваятель. – Извини, Пётр, но бой вытянула она.
– Я знаю. – Парень взял молодую женщину за руку. – Спасибо.
– Не за что. – Саша помолчала. – На моём месте ты поступил бы так же.
Отвечать Пётр не стал. Возможно, не успел, потому что Ваятель поспешил вернуть себе слово:

– Чувства добавили тебе сил, Грата, но если бы Ардоло и Урано были опытнее, они воспользовались бы твоим замешательством во время возвращения и повторно отправили бы тебя вниз.

– Я знаю, – кивнула женщина.

– Вы должны владеть эмоциями, а не наоборот! – в голос резанул админ, обращаясь ко всем игрокам. – Даже когда вас «несёт»... Особенно когда вас «несёт». Ненависть, ярость, бешенство, злость должны помогать вам, а не приводить к гибели. Управляйте чувствами... – Ваятель помолчал. – В следующем бою напарником Граты станет Ардоло. Через двадцать минут...

– Нет, – громко произнесла Саша, поднимаясь с дивана. – Петя, отвези меня домой... Я не хочу быть с ним в одной команде!

– Придётся, – односложно ответил парень, не отрывая взгляда от дороги.

Недавно начавшийся, слабенький, едва накапывающий дождь не успел качественно, по-питерски намочить асфальт, но на той скорости, с которой Пётр гнал «Камаро», каждый поворот мог стать последним.

– Почему придётся? – возмутилась женщина.

– Потому что мы уже команда, – объяснил парень. – Мы – четверо.

– Неужели?

– Ты считаешь Кегу придурком, а он давно всё понял и поэтому не стал раздувать скандал. Привыкает работать в коллективе. И ты привыкай.

Сначала Саша хотела ответить резко – ей категорически не понравилось услышанное, однако слова Ваятеля насчёт хладнокровия всё-таки подействовали и помогли сдержаться.

– Какая ещё команда? Что ты имеешь в виду?

– Ваятель хочет, чтобы мы учились действовать сообща. – Вырвавшийся с лесного шоссе «Камаро» резко прибавил, однако Петин голос остался спокоен и невозмутим. – Он лепит из нас клан.

– Или же Ваятель планирует отыскать сильнейшего, – выдвинула свою версию Саша. – Что логичнее.

– Почему логичнее?

– Потому что в игре должен быть победитель.

– Футбол – командный вид спорта.

– Ну...

– А наш старый клан? – Пётр улыбнулся, припоминая онлайн-сражения на плоских мониторах, точнее, внутри плоских мониторов. Разве могут они сравниться с реальным управлением реальным персом? FullFeel, что тут ещё скажешь? – Главные победы были одержаны командой.

– Может быть, – помолчав, признала женщина. – Но Кег мне всё равно неприятен.

– Не факт, что в другой команде все будут приятны.

Саша поняла намёк мгновенно:

– Думаешь, есть другая команда?

– Ваятель не кажется идиотом, а значит, есть. – Петя качнул головой. – Как минимум одна – обязательно.

– Для чего?

– Хотя бы для статистики и ловли багов³. Четыре тестера для такого проекта маловато.

– И только?

Парень ловко втиснул «Камаро» между фурой и фургоном, слегка подрезал несущийся в левом ряду «Ниссан», выскочил перед ним и тут же уехал далеко вперёд.

– Возможно, в бою с ними мы и определим победителя.

– Возможно... – Саша задумчиво повертела в руке брелок, крупный розовый камень в объятиях чёрного металла, и продолжила: – А возможно, и нет. Возможно, Ваятелю и правда нужна статистика. Мы ведь тестеры, а не игроки.

– Если мы не сразимся, во второй команде нет никакого смысла.

– Ты так говоришь, будто на сто процентов уверен в её существовании.

– Я на двести процентов уверен в её существовании, – бросил Пётр. – И мы обязательно будем драться, потому что именно так Ваятель сможет наилучшим образом протестировать игру.

– Драться двенадцатидюймовыми солдатиками?

– Сначала наши персы были в три дюйма ростом, – напомнил парень. – Теперь двенадцать. А дальше, я уверен, будет ещё круче.

– Станут размером с Кинг-Конга? – хмыкнула женщина.

– Необязательно. Но я уверен, что Ваятель доведёт персов до приличного размера.

– Почему ты уверен?

– Потому, что в противном случае в игре нет смысла. Рост – аналог уровней в онлайн-игре, он дает игроку почувствовать, сколько осталось позади. И сколько ещё вперёди.

Саша поняла, что Пётр много размышлял над проектом Ваятеля, и удивилась, поскольку не ожидала от парня такого вдумчивого подхода. Казалось, что главное для него – бои, азартные сражения и победы, добиваться которых Петя привык всеми доступными способами, а он, поди ж ты, тщательно осмысливает и происходящее, и будущее.

– Какими станут наши персы? – негромко спросила Саша, поднося брелок к глазам. Словно пытаясь заглянуть внутрь непрозрачного камня.

– Такими, какими мы их сделаем.

– Жёсткий ответ.

– Зато честный. – Петя выдержал паузу и, прежде чем женщина успела начать свою фразу, неожиданно признался: – Я к этому проекту отношусь не так, как к другим играм, тут больше личного.

– Потому что здесь перс – это действительно ты.

– Да. – согласился парень. – Ты меняешь его...

– А он меняет тебя, – эхом закончила Саша.

– Подслушиваешь мои мысли?

Но женщина не поддержала шутку.

– Ты действительно думаешь, что всё зависит от нас?

– Всё на свете зависит от нас, – серьёзно ответил парень. – Нас можно поманить, обмануть, уговорить, но решение принимать нам. И расплачиваться за него нам.

– И при этом ты так легко говоришь, что мы меняемся...

– Нелегко. Просто я не прячу голову в песок и не лгу себе, а чётко признаю: изменения происходят. Но они возможны только в том случае, если мы не против.

– А если против?

³ Баги (сленг) – системные ошибки в программе.

– Ваятель говорил, что никого не держит.
– И можно соскочить в любой момент? – с иронией осведомилась Саша.
– Мы не представляем никакой угрозы.
– До тех пор, пока не станем рассказывать о странных брелоках с куклами внутри.
– Кто нам поверит? Решившись уйти, мы потеряем и брелоки, и очки, а наши рассказы обеспечат нам пожизненное место в психушке. – КАД давно осталась позади, и Петя остановил машину у очередного светофора. – Ваятель ничем не рискует.

– Не идеализируй его.

– А ты не считай кретином.

– Я и не считаю. – Саша отвернулась к окну. Помолчала, давая возможность Петру понять, что он не прав. И закончила: – Все ошибаются.

– Почему ты заговорила об уходе?

– Не знаю.

– Разве тебе не весело?

Тренировать бойца и лить настоящую кровь. Пусть крысиную, но настоящую. Тренировать бойца и лично переживать каждый его выпад, каждый удар и каждый прыжок. Стонать. Чувствовать боль, несильную, нефатальную, но ощутимую. Ругаться. Драться. Наслаждаться упоительным ощущением тотального контроля за мощным, превосходно подготовленным телом. Быть бойцом. FullFeel.

– Мне весело, – тихо ответила Саша. – Мне очень весело.

– Поэтому просто играй.

Похоже, это и был главный итог Петиных размышлений. Коротко и совсем несложно.

– Останови тут, – попросила женщина. – Дальше я сама.

Ей вдруг захотелось пройтись.

– Я довезу тебя до парадного, – улыбнулся парень. – Потому что не успел сказать спасибо за помощь в крепости.

– Мы были в команде, – ровным тоном ответила Саша. – У нас была цель.

И отвернулась к окну, не желая демонстрировать Пете предательски покрасневшее лицо.

– Я видел, как ты разъярилась.

– Они меня разозлили.

– Плевать на них... – Короткая пауза. – Ты должна знать, что я видел твою ярость и ценю те чувства, которые ты тогда испытала. – Машина остановилась у дома, но они оставались в креслах, не делая попыток выйти. И Саша больше не смотрела в окно, повернулась, поймав взгляд синих глаз Пети, и, глядя в них, слушала короткую, но честную исповедь: – У меня очень деловой отец, у которого очень много денег. С одной стороны, мне повезло: в моей жизни не было места проблемам. С другой – в ней не было места настоящим друзьям. Во всяком случае, таким, которые поддержат меня в безнадёжной драке.

– Мне это ничего не стоило, – через силу произнесла женщина.

– Мы оба знаем, что сейчас ты говоришь ерунду. – Петя улыбнулся и легко прикоснулся к Сашиной руке. – Я рад, что мы вместе.

* * *

Немногоквартирный жилой дом

Санкт-Петербург, улица Итальянская,

25 марта, пятница, 17.07

Ненавидеть человека? Есть в этом что-то... Ну, конечно же, не возвышенное: что может быть возвышенного в желании раздавить, уничтожить или хотя бы унижить? Нормальные люди такие чувства прячут, но тем не менее испытывают. Все мы не без греха, вот и получается, что

есть в ненависти нечто естественное, от человеческого существа идущее, а значит, понятное. Неприятное, осуждаемое, но понятное. Люди ведь разные, иные такого натворят, что чувство жёсткое, изнутри огнём сжигающее, само собой к ним возникнет, как от него ни отказывайся. Чувства, они ведь разуму неподвластны. Они сами по себе. Иногда они наши двойники, а иногда – тени.

А иногда случается так, что кто-то ненавидит всех людей на свете. То есть абсолютно всех. Ненавидит за то... За то, что они есть. За то, что они успешные. За то, что они улыбаются. За то, что они могут ходить.

Последние два пункта приводили Альфреда Адольфовича Кега в полнейшее неистовство – то, что люди могут ходить. Бегать. Прыгать. Подниматься по лестницам и при этом смеяться. Радоваться жизни. Смеяться...

Но главное – могут ходить.

Могут.

Так же, как мог и он когда-то.

Карьера молодого Кега развивалась настолько успешно, насколько она вообще могла успешно развиваться у шустрого, не отягощённого моральными принципами человека в период распада гигантской и невероятно богатой Империи. Ловить рыбку в помутневших от крови и грязи водах огромной страны было не просто, а очень просто, и мудрый Альфред спешно примкнул к организованной группировке ленинградских демократов, с пеной у рта доказывающей согражданам необходимость срочной приватизации всего и вся. «Частная собственность сотворит чудо!» – уверяли Кег со товарищи, без усталости расписывая кисельные берега, тянущиеся вдоль молочных рек. А затем, когда нужные федеральные законы были приняты, вчерашние ораторы уселись в кресла «приватизаторов» и радостно приступили к разделу гигантского пирога. Два года Кег торопливо пилил всё, до чего мог дотянуться, не веря собственному счастью и богатея не по дням, а по постановлениям. На первые роли не лез, но долю свою знал и брать не забывал. Обзавелся охраной. Дорогими привычками. Женой и двумя любовницами. Постепенно поверил, что сладкая жизнь продлится вечно, и стал вкладываться в недвижимость... И в какой-то миг позабыл, что приватизационные почвы куда опаснее болотных. А может, и не позабыл, может, обнаглел до предела, вот и подsunул на подпись постановление, которое вышло боком авторитетным людям. Случилось недопонимание, и в роскошный шестисотый «Мерседес» девятого советника пятого помощника заместителя начальника отдела департамента имущества подложили бомбу. Погиб водитель и оба охранника, Альфред уцелел, но после полугодового лечения оказался в инвалидном кресле. И здорово изменился. Точнее, изменение было всего одно: Кег растерял амбиции и вкус к жизни. Говоря проще, сломался. Полтора года в больницах оставили бывшего девятого советника не у дел: мест у кормушки много, но желающих припасть к волшебному источнику личного благосостояния ещё больше, так что обратно Альфреда никто не ждал. Тем более калеку. Тем более участника бандитской разборки. Сладкая жизнь закончилась, едва начавшись.

И Кег запил.

Потом прочно сел на кокаин и именно тогда растерял последних дружков и последнюю надежду вернуться к распилу пирога. Затем сообразил, что тонет, и попытался соскочить, переехал к родственникам в Германию, лёг в клинику, но вернулся на «снег», едва распрощавшись с врачами. Путешествие на историческую родину закончилось истерикой с битьём посуды в берлинском ресторане, унижительной проверкой на наркотики и депортацией.

Тем не менее Кег соскочил. То ли пребывание в наручниках подействовало, то ли мрачный питерский климат внёс свою лепту, то ли сила воли проснулась – решающий фактор неизвестен, но кокаин остался в прошлом. Альфред поселился в трехкомнатной квартире на Итальянской, за копейки купленной в начале девяностых, когда русская недвижимость не стоила ничего, и затих, как спящий хомячок. В дело, разумеется, не вернулся – слишком много вре-

мении прошло, но и не бедствовал: «приватизационные» накопления гарантировали бывшему девятому советнику пятого помощника заместителя начальника отдела департамента имущества безбедную старость. Ненависть же и злобу Кег выплёскивал на страницах блога, а отдушину отыскал в компьютерных играх, видя в скачущем по экрану персонаже себя, здорового и сильного. Альфред считался игроком умным, но жестоким и подлым, симпатии он не вызывал, да и не хотел вызывать. Он шёл в игру не для того, чтобы нравиться, а чтобы жить в ней.

И потому охотно согласился на предложение Ваятеля: задыхающемуся от ненависти калеке стало тесно в цифровой рамке онлайн-программы...

– Ну-с, приступим, – пробормотал Кег, раскладывая на кухонном столе снаряжение.

Впрочем, много времени приготовления не отняли: первым движением Альфред выложил массивные очки, вторым – брелок с крупным чёрным камнем. Выложил и замер, внимательно разглядывая своё волшебное богатство. Не сомнения терзали инвалида, хотя со стороны могло показаться именно так. Нет, отказываться от принятого решения Кег не собирался и твердо знал, что поступит так, как задумал. А паузу взял специально. По той простой причине, что внутри у него всё дрожало от возбуждения, пальцы сводило от желания начать как можно скорее, а губы против воли расплывались в гадливенькой усмешке. Больше всего на свете Кег хотел немедленно приступить к делу, но сознательно сдерживался: исступление, до которого Альфред себя доводил, великолепно оттеняло наслаждение, которое он планировал получить.

При этом он знал, что затягивать тоже не следует, иначе засуетится и всё удовольствие пойдёт насмарку.

– Хорошо, – прошептал Альфред, медленно потирая руки. – Хорошо.

В мечтах он давно разложил акцию на мелкие детали, тщательно продумал и как наяву видел каждый шаг, каждое движение, каждый удар и каждую каплю крови, которую прольёт через несколько минут. И сходил с ума при мысли, что грёзы вот-вот станут реальностью. Какая онлайн-игра сравнится с проектом Ваятеля? Никакая.

FullFeel, ребята, и этим всё сказано – FullFeel.

Альфред приоткрыл оконную створку – форточки в его квартире по вполне понятным причинам отсутствовали, – усмехнулся и повторил:

– Ну-с, приступим...

Надел очки, ненужным, но ставшим привычным жестом тщательно их поправил, вздохнул, уставился на брелок и негромко начал:

Спят усталые игрушки, книжки спят,
Одеяла и подушки ждут ребят...

В своё время он безумно удивился тому, что в памяти всплыли именно эти строки из далёкого детства. Незабываемые, как выяснилось, строки. Ваятель не предупреждал о том, что потребуется заклинание, неожиданно предложил прочесть любое четверостишие, и в результате игрок машинально выбрал те стихи, которые никогда не забудет, которые намертво впились в его душу. Кег никак не ожидал, что «его» заклинанием окажется детская колыбельная, даже смутился поначалу, но вторая половина четверостишия примирила Альфреда с действительностью:

Даже сказка спать ложится,
Чтобы ночью нам присниться.

Именно так: сказка спать ложится. Засыпают собачки и кошечки, поросята и слоники, закрываются в красивых замках принцессы, и на улицы выходят совсем иные персы. Не такие добрые, зато чертовски сильные.

А под слова старой колыбельной на столе происходила трансформация: из тёмного облака, в которое оборотился камень брелока, медленно поднимался могучий Ардоло – четырнадцать дюймов ловкости, ярости и стальных мускулов. Компактное воплощение силы и жестокости. Плотная чёрная шкура – назвать это покрытие иначе язык не поворачивался, крепкие рога, хвост с острым наконечником и кожаные доспехи, в меру надёжные, но не сковывающие движений. Ардоло был достаточно грозен и сам по себе, но с недавних пор рядом с прошедшим трансформацию персом оказывался сундук со снаряжением, в который воин не преминул заглянуть.

Ножи? Нет, клинки недостаточно длинны для выбранной добычи. Копьё? Нет, не будет нужного количества крови. Алебарда? Слишком далеко, а сегодня Ардоло хотел стоять совсем рядом, хотел слышать предсмертные хрипы, хруст ломаемых костей, видеть затухающие глаза... Сегодня Ардоло хотел перепачкаться в крови жертвы.

«Значит, сабли».

Он давно примерялся к двум острым, как бритва, клинкам с тяжёлыми «ударными» гардами. Восхищённо рассматривал при каждом обращении, много тренировался, но в бою ещё не применял: Ваятель запрещал использовать оружие, способное искалечить противника, ограничивая игроков деревянными мечами и тупыми копьями. Но сейчас Ваятеля рядом не было.

«Пришло ваше время, девочки...»

Ардоло по очереди достал сабли из сундука, внимательно осмотрел их, даже погладил и вложил в заплечные ножны. Глянул на своё отражение в настольном зеркале, которое Кег приобрёл исключительно для перса, усмехнулся и подошёл к приоткрытому окну.

Операция началась.

Не обращая внимания на вяло накрапывающий дождь, Ардоло осторожно ступил на скользкий отлив, медленно прошёл направо до самого края, постоял чуть-чуть, примеряясь, после чего двинулся по узкой декоративной кромке к соседскому окну. С прежней осторожностью, неспешно, предельно аккуратно, прижимаясь к стене, но всё же ДВИГАЯСЬ ПО УЗКОЙ КРОМКЕ на высоте пятого этажа. Сама возможность столь головокружительного трюка приводила в экстаз, дарила упоительное ощущение полной власти над собой и происходящим, ставила на голову выше окружающих.

А ведь впереди его поджидало главное блюдо.

Бегающая по комнатам, твякающая, когда заблагорассудится, хоть днём, хоть ночью, как правило, твякающая без всякой причины, изгадившая лифт и парадное тварь по кличке Преференция. Ну, какая сволочь могла назвать йоркширского терьера такой безумной кличкой? Да обыкновенная сволочь, наглая, шумная, богатая, умеющая ходить. Она позволяла псине безнаказанно гавкать и делать лужи, где попало.

Уговоры и просьбы не действовали. Хозяйка твари, жирная черноволосая мерзавка, перестала реагировать на Альфреда после первого же – очень вежливого! – замечания и с тех пор в упор его не видела. Её муж, жирный черноволосый мерзавец, – пообещал «всё уладить», но в результате Преференция стала опорожняться прямо под дверями Кега. Месяц длился ад, но сегодня наступит расплата.

Кромка закончилась. Ардоло пробрался к чужому кухонному окну, усмехнулся, увидев ожидаемо приоткрытую форточку, резко подпрыгнул, ухватился за край, подтянулся и уже через секунду стоял на подоконнике. Из глубины квартиры донеслось небрежное «гав!»: Преференция, разумеется, не поняла, что кто-то проник в её владения, она просто подала свой гадкий голос, возможно, во сне.

«Будем считать, что последнее слово произнесено...»

– Гав!

«Но затягивать с речью не следует...»

Да и время на исходе: мерзкая жирная тётка никогда не оставляла любимицу надолго и могла вернуться в любой момент.

– Гав!

«Кажется, меня заметили...»

Предвкушение достигло апогея: пальцы дрожали, внутри всё кипело, язык непрерывно облизывал губы, а перед глазами то и дело вставали образы растерзанной псины. Образы грядущего: кровь, кишки и переломанные кости. Ардоло выхватил сабли, в два прыжка добрался до коридора, из которого рванул в гостиную, где и столкнулся с выглянувшей на подозрительный шорох собачонкой...

А ещё через час, довольный, как насосавшаяся электричества батарейка, Кег поприветствовал душераздирающий визг из соседней квартиры широченной ухмылкой.

* * *

Офис Службы утилизации

Москва, улица Маросейка,

1 апреля, пятница, 13.28

Вы спросите, что я, обыкновенный чел, делаю в Тайном Городе среди магов, вампиров, прекрасных принцесс, грифонов, драконов и прочей живности, сбежавшей со страниц детских книг? Работаю, что же ещё! А если честно – пытаюсь работать, потому что одного громкого дела для создания громкой репутации маловато, а несколько результативных, но не слишком ярких расследований, которые я провёл за два года, не помогли. В Тайном Городе я по-прежнему считаюсь новичком: шустрым, перспективным, умным, но... новичком. Действительно важные и интересные дела мне не предлагают, поэтому большая часть моей жизни проходит в обыкновенной, если можно так выразиться, Москве, оставшейся по другую сторону волшебства. Разумеется, бороться с искушением невозможно, и я частенько применяю в расследованиях магические штучки от моих новых друзей, что существенно упрощает поимку злодеев с последующим заключением под стражу, но... Но из-за этого меня периодически вызывают на неприятные интервью в Службу утилизации. Нет, я осторожен и не заигрываюсь в колдовство, не позволяю посторонним видеть то, чего они не должны видеть, просто к соблюдению режима секретности в Тайном Городе относятся серьезно и не упускают случая пропарить новичку мозг. Как говорится, на то они и шасы...

Вы ещё не слышали о шасах? Не хочу сказать ничего дурного, но...

Подождите, сейчас не о шасах, иначе вам придётся выслушать монолог на пару часов, а времени нет: я приближаюсь к офису Службы утилизации. О ней, надеюсь, слышали? Да, да, да, та самая организация, которая занимается сокрытием Тайного Города от пытливых взоров заурядных челов. Разумеется, Великие Дома и сами присматривают за подданными, не позволяя им выходить за рамки дозволенного, да и на подкорке любого колдуна выгравировано холодным железом: «Нагадил – приберись», неприятности ведь никому не нужны, но... Но иногда случаются досадные оплошности, и тогда на выручку приходит Служба, менеджеры которой собаку съели на лжи и обмане. Слышали об американской экспедиции к Плутону? Это их наши надоумили... Ну, в смысле ребята из Тайного Города.

Угу, они теперь для меня «наши».

В общем, Служба утилизации своё дело знает, шутить не любит, директор её, досточтимый Михар Турчи, не тушует перед главами Великих Домов, а однажды даже хамил в лицо гиперборейцам, так что повестку с вызовом в офис ни один здравомыслящий тайногородец или тайногорожанин игнорировать не станет.

И я не стал.

И мне не стыдно признаться в том, что на Маросейку я заявился без опоздания, потому что точность – вежливость королей, а я в своём деле король. И я совсем не нервничал. Почему? Нет, вовсе не потому, что за мной не водится грешков, я ведь не ангел, на искушения падок. Но я научился «подчищать хвосты» и твёрдо знал, что предъявить мне нечего. Тем не менее я им понадобился, и этот факт помимо различного рода проблем мог означать и весьма приятную для меня новость: появилась работа.

Я не бедствую. Но... Репутация, помните? Чтобы избавиться от ярлыка новичка, мне нужны дела, нужен опыт, нужны удачные расследования в Тайном Городе, и поэтому я всегда соглашаюсь поработать на Службу в качестве приглашённой звезды. Должен же кто-то хоть иногда думать в этой странной организации...

– Что на этот раз?

– Тебе тоже привет, Федра, – едко отозвался Ажар Хамзи, третий референт директора по неотложным делам. Моим обычным куратором числился Набек Турчи, шестой референт директора по повседневным вопросам, поэтому встреча с Ажаром меня слегка взволновала.

– Извини, доброе утро.

– Скорее, день.

Я уже говорил, что многие шасы противны в общении? Нет? Наверное, берёт это откровение для подходящего случая.

– Присаживайся и внимай.

Как все счастливые обладатели отдельных кабинетов, Ажар прилагал массу усилий для того, чтобы казаться важным, нужным и значимым, как будто ему вручную приходилось формировать алгоритм передвижения грузов по Байкало-Амурской магистрали. И этот облик ему, говоря откровенно, удавался: то ли актером был неплохим, то ли действительно проблем навалилось. И частью из них он решил со мной поделиться.

– У нас тут весна в свои права вступила. – Ажар кивнул на залитое солнечным светом окно. – У осов обострения, грифоны в Нескучном случаются, челы статьи о видениях пишут, поэтому я буду говорить быстро, а ты вникай в курс дела и, если чего непонятно, задавай. Всё ясно?

– Ага.

Хамзи пощелкал «мышкой», выводя на монитор нужный файл, по привычке откашлялся и начал:

– Есть серьёзное дело, за которое не хочет браться ни один из наших менеджеров.

Я навострил уши.

– Трудное?

– Интересное.

– Высокооплачиваемое?

– В разумных пределах.

М-да... мог бы и не спрашивать. Шасы даже на своих похоронах экономят и ни за что не заплатят знаменитому частному детективу соответствующий его трудам гонорар.

– Если никто не берётся, то с тебя двойной тариф.

– Даже не думай.

Но деловые переговоры удаются мне не хуже, чем шасам, и в следующий миг я блестяще сыграл желание уйти:

– Где мой зонтик?

И даже по сторонам огляделся.

– Ты заявился без него, потому что дождя нет, – отрезал лишённый чувства юмора шас.

– Неважно. Я хочу уйти.

– Почему?

– Потому что не собираюсь рисковать жизнью бесплатно.
– Кто тебе сказал о риске?
– Ты.
– Я? – изумился Ажар. – Когда?
– Почему менеджеры Службы отказываются от расследования?
– Потому что никто из них не хочет покидать Тайный Город, – мгновенно отыскал отговорку третий референт.

Но мне палец в рот не клади. И вообще, ничего не клади.

– То есть мы говорим не только об опасностях, но и о дальней командировке?

– Мы говорим о превосходной возможности прокатиться за счёт Службы в прекрасный, исторически и культурно значимый Санкт-Петербург да ещё гонорар за это огрести. – В этот момент Ажар стал отчаянно похож на говорящий туристический проспект. – Ты знаешь о существовании города Санкт-Петербурга?

– В Америке? – припомнил я. – Там ещё Том Сойер живёт.

– Почти угадал. Недалеко от Белого моря.

– Очень смешно.

– Так посмейся.

– Сколько платишь?

Мне надоело шутить, поэтому вопрос я задал предельно деловым тоном. В конце концов, у нас, знаменитых частных детективов, рабочие дни расписаны по минутам, нам некогда переливать из пустого в порожнее с третьими референтами, которые занимаются весенними обострениями у грифонов и челов.

То, как резко я сменил тональность разговора, подействовало на Ажара самым правильным образом. Шас покопался в магических таблицах финансовых перспектив и предложил:

– Заплатим прилично: пятьсот в день, включая расходы, – увидел на моём лице жгучее желание попрощаться и торопливо закончил: – Но это за беспокойство. Если распутаешь дело, пятьдесят тысяч.

Размер премии внушал.

– С чего такая щедрость?

– Клиент платит, – развёл руками Ажар. – От него жена требует результата, а мы его дать не можем.

А вот это интересно.

– Служба облажалась?

– Нет, Служба не облажалась, – медленно ответил господин третий референт. – Но клиент недоволен результатами расследования, и у тебя есть прекрасная возможность утереть нам нос. Доволен?

Я улыбнулся своей знаменитой мудрой улыбкой.

– Подписываешь контракт?

Пятьсот в день Служба не давала никогда, предпочитая обманывать нас, частных сыщиков, с помощью почасовой оплаты. Однако меркантильный интерес отошёл на задний план перед возможностью взяться за расследование, на котором споткнулись опытейшие менеджеры по оперативному вмешательству, и потому я потерял осторожность:

– Подписываю!

– Вот и договорились, – на физиономии шаса нарисовалось такое облегчение, что я не просто почувствовал подвох, а буквально получил им, тяжеленным и угловатым, под дых. И лишь после этого задал вопрос, с которого следовало начинать:

– Что я должен расследовать?

– Подписывай! – Ажар сунул мне бумаги.

– Что я должен расследовать?

– В Санкт-Петербурге.

Вы когда-нибудь видели юлящего шаса? Они в этот момент напоминают взятого с полочным карманника, только выглядят ещё смешнее.

– Кого убили? – Я отодвинул документы.

– Никого. – Он придвинул их обратно.

– Кого растерзали?

– Никого.

– Врёшь.

Бумаги начали комкаться на середине стола.

– Не вру.

– Врёшь.

Убедившись, что я буду стоять до конца, господин третий референт с отдельным кабинетом вынужденно сменил манеру поведения. Он оставил попытку накормить меня неподписанным контрактом, откинулся на спинку кресла, пристально посмотрел в мои красивые и умные глаза, после чего весомо произнёс:

– Тебе знакомо имя Тадай Кумар?

– Впервые слышу.

– Ах да, ты ведь в Тайном Городе без году неделя... – не удержался Ажар.

И немедленно получил весомый удар в ответ:

– Да, без году неделя, – с достоинством подтвердил я. – И уже приходится спасать репутацию Службы.

Третий референт помрачнел.

– Месяц назад Тадай Кумар переехал в Питер, поскольку должен лично приглядывать за инвестициями в человеческий бизнес. Ты ведь знаешь этих чело-век: без надзора они только воровать способны да за границу с наворованным сматываться под видом диссидентов.

– Не отвлекайся на фашизм.

– И в мыслях не было.

– Что случилось с Тадаем?

– Не с ним. – Ажар уткнулся взглядом в стол, помолчал, прикидывая, как сподручнее рассказать о сути дела, а затем плюнул и бросился в омут с головой: – У Тадая убили собачку.

– Что?! – в первый момент мне показалось, что я ослышался.

– Ну, не у него, а у его дражайшей супруги Карида, но всё равно – убили. Наша жертва: йоркширский терьер по кличке Преференция. – Только теперь третий референт осмелился поднять на меня взгляд. – Я её знал: прекрасная псина, только истеричная, как последняя сука.

– Я ухажу. Зонтик оставь себе.

Так глубоко меня ещё не унижали. Едва я понял, что все происходящее – не первоапрельская шутка, сразу же оскорбился, попытался вскочить, но... Но даже из ипотеки вырваться проще, чем из цепких шасских лап.

– Войди в положение, – проникновенно попросил Ажар, обеими руками прихватив меня за полу пиджака. – Тут весна в свои права вступила, осы без конца обостряются, грифоны случаются прямо в парке, а Карида – троюродная племянница директора Службы. У меня на эту собачку уже две группы менеджеров ездили и ничегошеньки не нашли. Как померла она, ребята знают, но Карида недовольна, зараза такая... Вечером директор на доклад вызывает, а у меня трое детей и жена-мотовка. Кто их кормить будет? Ты?

Весомая премия и трагические обстоятельства референта сумели смягчить моё твёрдое сердце, но сразу я не сдался.

– Что изменится с моим согласием? – поинтересовался я, пытаясь оторвать от пиджака шасские пальцы.

– Я доложу Михару, что расследование продолжается, и в Питер отправились наши лучшие специалисты, из тех, кто в Питере ещё не бывал. Я старика знаю, он уточнять не станет, и неделю я выиграю, а там как-нибудь само рассосётся. – Вот она, бюрократическая сущность: спрятать проблему и подождать. – Главное, доложить нужно, что расследование идёт своим чередом и все мы очень переживаем о гибели несчастной Преференции.

– Я, конечно, не самый известный сыщик Тайного Города, но себя не на помойке нашёл. И если кто-нибудь узнает, что я расследую гибель болонки...

– Йоркширского терьера.

– Непринципиально. Ты представляешь, что станет с моей репутацией?

– Которой у тебя всё равно нет.

– А с такими контрактами и не будет, – пробурчал я, отдирая последний шасский палец. Весь пиджак измял, бюрократ.

– Это твоё последнее слово? – прищурился третий референт.

Нехорошо так прищурился, плотноядно. Я так только улыбаться умею, а вот Ажар, как выяснилось, шагнул дальше.

Но напугать меня он не смог.

– А если последнее?

– В этом случае хочу напомнить, господин Федра, что в Санкт-Петербурге работали две группы высококвалифицированных магов, – официально-обиженным тоном произнёс Ажар. – И если насчёт вас ещё могут быть сомнения, то эти парни совершенно точно отыскиали себя не на помойке. А если и на ней, то это была высококачественная магическая помойка, не чета вашей. Всё понятно?

Иногда шасы такие зануды...

– Понятно.

– А теперь давайте посмотрим, чем вы занимались, пока честные высококлассные маги пытались раскрыть это ужасающее преступление. – Ажар вернулся в кресло и пощёлкал «мышкой»: – Господин Федра, вы не будете отрицать, что применяли магические устройства для частных расследований, не имеющих отношения к Тайному Городу?

– Во-первых, не доказано. Во-вторых, ненаказуемо.

Но закусивший удила референт плевать хотел на мои быстрые и остроумные ответы.

– Десятого марта, в четверг, вы воспользовались артефактом морока и «Накидкой пыльных дорог» для скрытного проникновения в спальню госпожи Нептициной с целью сбора доказательств её неверности. Сделанные вами записи послужили главной уликой на бракоразводном процессе, однако человеческая служба безопасности до сих пор не понимает, каким образом вам удалось проникнуть в тщательно охраняемое помещение.

– Они сочли мои объяснения удовлетворительными, – попытался отпереться я. – Так что никакого нарушения режима секретности в данном случае нет.

– Налицо признаки нарушения, а это означает, что я могу взять тебя в разработку как потенциально опасного чела.

– Из-за собачки?

– Из-за трех моих детей.

Что значит «взять в разработку»? Ажар начнёт с приостановки моей лицензии, после чего его ребята примутся выяснять подробности всех моих расследований, точнее, моих действий во время расследований. И если уровень применения магических артефактов покажется им чрезмерным... а он, разумеется, покажется им чрезмерным, то у меня возникнут серьёзные проблемы.

– Знаешь, поймал себя на мысли, что давно не ездил в Питер, – неохотно произнёс я, глядя в окно.

– А у меня как раз есть контракт, связанный с этим чудесным городом, – расплылся в плотоядной улыбке шас и придвинул мне бумаги. – Распишись вот тут.

* * *

*Офис ИП «Лучезарная повелительница
магических ветров Вселенной Светлолика»
Санкт-Петербург, улица Большая Морская,
1 апреля, пятница, 15.15
Колдовство или наука?*

В последние недели этот вопрос стал для игроков основным. Все они регулярно задумывались о тайнах Ваятеля, периодически набирались смелости задать прямой или «хитрый» вопрос, но ответы в стиле «уникальные секретные военно-космические разработки» перестали удовлетворять даже с головой провалившегося в новую жизнь Кега. Ваятель темнил, а персы росли, что, мягко говоря, совсем не характерно для роботов, каковыми администратор пытался представить выпрыгивающих из брелоков «трансформеров».

Колдовство?

Однако даже неработающие очки излучали слабые электромагнитные волны: Петя узнал об этом с помощью приятеля из военно-морской лаборатории. Внутрь лезть не разрешил, но попросил тщательно просветить и вывод услышал однозначный: «Кое-какие микросхемы присутствуют, излучение есть, а вот источника питания не видно...» Краткое исследование выявило очередную странность, но микросхемы обнаружены, то есть очки – прибор.

Наука?

Но как быть с тем, что размеры и масса персов во много раз превосходили брелоки? И с каждым днём этот разрыв увеличивался. Такое попрание физических законов никто понять не мог, и именно это непонимание привело Сашу к мрачному, похожему на фрагмент готического замка дому на Большой Морской.

– Дом культуры работников связи? – изумился Пётр, разглядывая угрюмое строение, хмуро мокнущее под дневным дождём.

– А что?

– Больше похож на укреплённый амбар рыцарской крепости.

– Ты что, никогда здесь не был?

– Прогуливался мимо когда-то, но на здание особого внимания не обращал.

Мало ли в Северной столице странных сооружений? И не сосчитать!

– Это бывшая немецкая реформаторская церковь, – провела краткую экскурсию женщина. – После революции её перестроили, но черты сохранились до сих пор.

– И теперь здесь живёт колдунья? – скептически осведомился парень.

– Работает колдунья, – поправила его Саша.

– Настоящая?

– Тётя Нина сказала, что она лучшая ведьма в городе.

– Тётя Нина, – вздохнул Пётр. – Конечно.

Вслух ничего продолжать не стал, но выражение на лице соорудил такое, что Саша всё услышала, всё поняла и слегка разозлилась:

– У тебя есть осведомлённые насчёт колдунов знакомые или родственники?

– Нет.

– А тётя Нина уже пятнадцать лет живёт только всяким экстрасенсным оккультизмом и питерских «колдунов» знает поимённо. И раз она сказала, что нам лучше обратиться к госпоже Светлолике, значит, надо обращаться к ней.

– Светлолика... – прежним тоном протянул парень. Увещевания молодой женщины на него не действовали.

– Да. Светлолика, – отрезала Саша. – И хватит выступать, ты ведь не собираешься к ней идти.

– Твоего времени жаль.

– Я решила – я пойду. – «Камаро» прижался к поребрику, женщина приоткрыла дверцу, но задержалась и вопросительно посмотрела на Петю. – Ты ведь меня подождёшь?

Возвращаться домой на общественном транспорте ей не хотелось.

– Само собой, – тут же кивнул парень. – Мне безумно интересно, чем закончится твоя экспедиция.

И демонстративно выключил двигатель.

– Спасибо.

– Пообедаем потом?

– Хорошо.

Последнее слово Саша произнесла, уже раскрыв зонт и выбравшись из невысокой машины, а потому Петя не увидел появившуюся на губах женщины улыбку. Получится ли что-нибудь разузнать у «лучезарной повелительницы», неизвестно, но вторая главная цель достигнута: сегодняшний вечер они с Петром проведут вместе.

После памятного боя в крепости и последовавшего за ним разговора их отношения изменились, появилось больше тепла и, что самое главное, искренности. Разговоры стали честнее, обстоятельнее, теперь Саша и Петя доверяли друг другу и ценили то незримое нечто, что возникало при встрече взглядов. Дальше пока не двигались, и потому молодая женщина была не против занять парня на всю пятницу. Просто для того, чтобы он не провёл этот «весёлый» день с кем-нибудь другим.

Пока только для этого.

«А там посмотрим!»

Дешевую металлическую дверь, преграждающую вход в кабинет «лучезарной», украшали стандартные рекламные предложения: «ПРИВОРОТЫ! В том числе массовые», «Венец безбрачия. Установка, снятие, переориентация», «Общение с умершими только в полнолуние. Предварительная запись» и «Принимаем кредитные карты всех платёжных систем».

У двери Саша не задержалась: постучала, сразу же нажала на ручку и заглянула в образовавшуюся щель:

– Можно?

Вошла, не дожидаясь ответа, и вот тут замерла, наконец-то разглядев хозяйку заведения.

– Здравствуйте.

– Добрый день.

Почему-то Саша предполагала увидеть в «магическом» салоне нечто монументальное, носатое, губастое, кудрявое, крашенное в блондинку и обязательно увешанное многочисленными «оберегами» из золота: по всей видимости, сказался зашитый в глубинах подсознания образ мошенницы. В любом случае Саша ждала женщину лет сорока-пятидесяти, а на диване расположилась стройная белокурая красавица – ни капли краски для волос! – с огромными глазами невероятного изумрудного цвета и превосходной, насколько можно было судить после беглого взгляда, фигурой. Картину дополняли полупрозрачная шёлковая блузка, элегантные брючки, туфли на длиннющей шпильке и модный планшет в руках.

– Стучаться вас не учили?

– Я... – Саша смутилась.

– Вижу, что не замужем, – качнула головой «лучезарная»... Нет, пожалуй, лучезарная, без всяких кавычек. И Саша, которая только-только перестала комплексовать по поводу своей

немодельной внешности, вновь почувствовала себя замарашкой. И возблагодарила судьбу за то, что Петя остался в машине. – Но это поправимо.

– Я не за женихом.

– «Венца безбрачия» на тебе нет, но дух твой в смятении. – Изумрудные глаза буравили молодую женщину двумя зелёными лучами. – Недруги заговорили дух твой, Саша, запечатали его и смутили, и от того тебе неспокойно.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– А по телефону мне кто представлялся?

«Не только красива, но ещё умна и ехидна. Нет, Пете здесь точно делать нечего».

А вот кабинет «лучезарной» удивления не вызвал, оказавшись именно таким, каким Саша представляла себе рабочее место современных городских «колдуний». Посреди довольно большой комнаты круглый стол, покрытый свисающей до пола чёрной бархатной скатертью, а в центре стола гордо высился хрустальный шар на серебряной подставке. С дальней стороны, спинкой к задрапированной чёрным бархатом стене, стояло резное деревянное кресло – хозяйское, а для гостей предназначались четыре чёрных стула. Пол, как нетрудно догадаться, выстелен чёрным паркетом.

Главная сцена была выстроена аккуратно и профессионально, притягивала взгляды, несмотря на некую аскетичность убранства, и гости не сразу замечали, что справа от двери располагался чрезвычайно удобный, но очень низенький диванчик, на который не присаживались, а «плюхались», рядом поблескивал сталью современного вида торшер и округло улыбался журнальный столик. А прямо за диваном на полках угловой этажерки прятался колдовской «инструментарий»: толстые книги в кожаных переплётах, склянки с порошками и подозрительными жидкостями, колоды карт, ступки, зеркала, странных форм подсвечники и многое другое.

– Гарантирую замужество в течение трех месяцев, – деловито сообщила «лучезарная». – Вы присаживайтесь.

– Спасибо. – Саша аккуратно опустилась на диванчик.

– В случае неудачи – стопроцентный возврат средств.

– Вернёте деньги? – в очередной раз удивилась женщина.

– Меня рекомендовали мошенницей?

– Нет.

– Или вы замужем, или деньги обратно – у меня всё честно. Гарантия на брак – одиннадцать месяцев, если разведётесь раньше, возвращаю тридцать процентов суммы. Но рекомендую заказать услугу «Счастливое замужество»: разовый взнос плюс необременительная ежемесячная абонентская плата – и проживёте вместе до старости. Но до старости ещё нужно дожить, поэтому можно поколдовать насчёт улучшения удачи, дабы избежать несчастных случаев...

– А замуж за три месяца за кого угодно или можно заказать?

– Можно заказать, – легко согласилась «лучезарная». – Эта услуга будет называться «Замужество с конкретизированным приворотом», плюс сорок процентов к цене.

– И та же гарантия?

– Разумеется.

– И в эту услугу можно добавить «Счастливое замужество»?

– Разумеется.

Последние два ответа колдунья выдала тоном заправского бухгалтера, Саше даже показалось, что тренькнул кассовый аппарат и ей вот-вот предъявят чек на оплату. Конкретизированный приворот и пожизненная гарантия счастливого брака за небольшую абонентскую плату.

«Лихо они сейчас работают...»

Однако вслух молодая женщина произнесла другое.

– Интересное предложение. – Саша провела пальцем по мягкой диванной подушке. – Вы только этим занимаетесь: приворотами и устройством личной жизни?

– Разве мало?

– А разве колдовство ограничивается приворотами?

Светлолика положила планшет на столик, подпёрла голову кулачком и с интересом осведомилась:

– Вы видели что-то иное?

– Я читала.

Раскрывать карты Саша пока не собиралась, вот и решила сыграть неофитку, ищущую «настоящей» магии. Попытка не удалась.

– Поздравляю, – с иронией произнесла «лучезарная». – А я читала об инопланетянах. И даже кино видела. Они в нём как настоящие, даже соплями чихают.

– В некоторых книгах говорится, что колдуны умеют делать живых кукол, големов, – продолжила гнуть своё Саша.

– Думаете, они лучше полноценного мужа?

– Големы послушно исполняют любые приказы.

– Согласна, это серьёзное преимущество, – рассмеялась «лучезарная». Судя по всему, разговор здорово поднял ей настроение. – Но големы туповаты, их невозможно спутать с людьми.

– То есть они существуют?

Тон ответа – вот на что среагировала Саша. Последнее замечание о големах Светлолика произнесла очень естественно, как рассказывают о совершенно обыденных вещах: соковыжималке, к примеру, или холодильнике. Последнее замечание Светлолика произнесла как человек, давно привыкший к существованию искусственных помощников, и молодая женщина это поняла. К словам не придерёшься, а вот тон ведьму выдал.

– Нам есть о чём поговорить? – тихо спросила Саша.

– Нет.

– Вы лжёте.

Однако «лучезарная» уже взяла себя в руки. Рассмеялась, откинувшись на мягчайшую диванную подушку, чуть изогнувшись, продемонстрировав некрасивой собеседнице идеальное тело, и доверительно осведомилась:

– Хочешь, найду тебе отличного мужа?

* * *

Полигон ТБО

Ленинградская область,

2 апреля, суббота, 04.16

– Что мы тут делаем? – угрюмо спросил Кег, демонстративно поправляя намотанный на шею тёплый шарф.

– Страшно? – хмыкнул Петя.

Все думали, что Альфред, по обыкновению, огрызнётся, но тот лишь пожал плечами и миролюбиво объяснил:

– Неприятно, – помолчал и добавил: – А ещё неудобно.

Они стояли в нечистом поле, которое пересекала изрядно раздолбанная грунтовая дорога. Под ногами – отвратительная жижа, поэтому калека не смог покинуть салон доставившего их микроавтобуса и недовольно наблюдал за тем, как остальные игроки разминаются после путешествия. В этом и заключалось неудобство: до Кега едва долетали обрывки фраз, и он не принимал участия в обмене впечатлениями.

- Это то, что я думаю? – осведомился Борисыч.
- Ага, – жизнерадостно подтвердил Ваятель.
- Зачем мы здесь? – спросила Саша.
- Через пот вы прошли, осталась грязь, – развёл руками админ.
- Я серьёзно!
- Я тоже.
- Пот, грязь, кровь... – протянул старик.
- Как на войне.
- При чем тут война?

Но вместо ответа Борисыч услышал предложение:

- Давайте сосредоточимся на предстоящей операции.

Они стояли на окраине огромного мусорного полигона, у гигантской свалки, в которую ежедневно и ежечасно испражнялся Санкт-Петербург. В туманной предрассветной дымке едва вырисовывались очертания скал, составленных отнюдь не из камня, а легкий ветерок приносил не только промозглую сырость, но и удушающую вонь. Казалось, что где-то под фургоном нагадил и тут же сдох десяток скунсов.

– С сегодняшнего дня очки работают на полную мощность, радиус действия увеличивается до трех миль. Поэтому ближе мы не пойдём, – «обрадовал» игроков Ваятель.

– Грязи и тут достаточно, – грустно заметил Петя. И чавкнул правым ботинком, дорогостоящим творением итальянского обувного кутюрье, медленно погибающим на окраине питерской помойки.

- Нам обязательно нужно вывалить здесь персов? – осведомилась Саша.
- Какую грязь мы ищем? – поинтересовался проницательный Борисыч.
- Бомжей? – хрюкнул Кег.

Петя вздрогнул.

- Здесь нет бомжей, – спокойно ответил Ваятель. – Они боятся сюда заходить.
- Почему?
- Собаки, – громко произнесла женщина. И вытянула вперед руку. – Собаки.

Администратор молча кивнул.

Эта часть полигона принадлежала четвероногим, и первые их разведчики уже показались в предрассветном тумане. Саша не владела научной степенью по песьей физиогномике, но готова была поспорить, что морды здоровенных косматых дворняг выражают крайнюю степень недовольствия. Звери чужакам не обрадовались.

- Крупные твари, – прищурился Пётр.
- Да уж, не йоркширские терьеры, – усмехнулся Ваятель.
- При чём тут терьеры? – не понял Борисыч.

Альфред поджал губы, но, поскольку все смотрели на выдерживающих дистанцию псов, этого никто не заметил.

– Неважно, – махнул рукой админ и медленно продолжил: – В этой части полигона обитает огромная стая диких собак. Стая сформировалась несколько лет назад, и с тех пор с ней ничего не могут поделать. Пытались травить, отстреливать – всё напрасно: они оправлялись от потерь и обязательно возвращались. Сегодня мы проредим стаю.

- Зачем? – тут же спросила Саша.

И удостоилась нескольких удивлённых взглядов.

– Во-первых, мы выступим санитарями леса, – медленно ответил Ваятель. – Во-вторых, вы опробуете новые возможности.

- Какие? – подал голос Кег.
- Я люблю собак, – тихо сказала женщина.

– Активизируйте персов, – распорядился админ, демонстративно «не услышав» Сашу. – И ставлю сотню против сломанной навахи, что в оружейных ящиках отыщется кое-что новенькое.

– Что именно?

– Увидите.

Ближайшая собачья морда маячила уже в полусотне ярдов. Стая приближалась медленно, но неотвратимо, а вёл её здоровенный чёрный кобель с белой «манишкой» на груди. И этим клоком светлой шерсти пёс напомнил Саше бабушкиного Черныша, с которым она бегала в лес по грибы и которого, вопреки строжайшему запрету, кормила ирисками и леденцами.

– Чёрт возьми!

Возглас издал добравшийся до оружейного ящика Ардоло. Кто бы сомневался, что гад окажется первым?

– Я могу не участвовать? – спросила Саша, чувствуя, что на глаза наворачиваются слёзы.

– Сегодня важная часть обучения, – ровно ответил Ваятель. – Пропустить никак нельзя.

– Я подготовлюсь самостоятельно.

– У тебя не получится.

– Но...

Напрасно, напрасно, напрасно...

Шепчет четверостишие Борисыч. Вернулся в салон фургона, уселся в кресло рядом с Кегом, нацепил на нос очки и шепчет, не желая, чтобы товарищи слышали заклинание, но все ведь рядом, и потому до женщины доносится:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор...

– Как это работает? – Изгрино достаёт из оружейного ящика странной формы жезл и подносит его к глазам.

Лицо Борисыча обмякает, тело расслабляется, словно у спящего, а Урано торопливо открывает арсенал и восхищённо восклицает:

– Ух ты!

– Саша, ты всех задерживаешь.

Стая смелеет на глазах. Молодые кобели ходят ярдах в пятнадцати от «Газели», причём не насторожённо, а свободно, по-хозяйски, уверив себя, что чужаки хоть и наглые, но слабые: заперлись в машине и вот-вот уедут. И тогда можно будет от души полаять вслед.

И ни одна собака не обращает внимания на фигурки, что по очереди появляются на крыше фургона. Персы уже большие, двадцать пять дюймов, в последнее время они росли не по дням, а по часам, набирали не только рост, но и мощь, стать. Персы могут выйти против стаи даже с простым, привычным оружием, но теперь у них есть кое-что особенное.

– Саша?

Девушка дёргает плечом, а потом, решившись, надевает очки – они помогают спрятать слёзы, и быстро шепчет:

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана...

Розовый брелок, который Ваятель положил на крышу, превращается в сгусток розового тумана, из которого постепенно проступают контуры «боевой королевы».

Буду резать, буду бить,

Всё равно тебе водить...

Костяной нарост на голове, похожий одновременно и на корону, и на рога, – «последний довод», как назвал однажды Ваятель это острое украшение. Когти на пальцах рук – ещё одно серьёзное оружие, ими можно разорвать весьма плотную ткань... Уже сейчас – плотную ткань, а дальше когти будут становиться длиннее, острее и опаснее.

– Ты посмотри, какая прелесть!

Грата откидывает крышку оружейного ящика и вынимает чёрные кожаные перчатки. На каждом пальце правой нашито по четыре металлических кольца, левая больше похожа на рукавицу: когда кулак сжимается, на первые фаланги съезжает металлическая пластина, покрытая плотной вязью странных иероглифов.

Точно такое же устройство досталось Урано, а вот Изгрино и Ардоло щеголяют металлическими жезлами.

– Обладатели перчаток! – раздался в ушах голос Ваятеля. – Ваша правая рука – меч. В ладонь перчатки вмонтировано «гнездо» с синим камнем – дважды поверните его по часовой стрелке.

Персы исполнили приказ и почувствовали, как в их руках запульсировала Сила. Просто Сила, с большой буквы. Запульсировало нечто неведомое, невидимое, но мощное, необычайно мощное. Нечто такое, что никогда не далось бы им в руки без волшебных перчаток. Нечто такое, что не хотелось выпускать из рук. Нечто такое, что в корне меняло взгляд на мир.

Персы почувствовали магию.

– Оружие активировано. Осторожно выставьте перед собой открытую ладонь, направив её на врага, и чуть сожмите пальцы. – Ваятель помолчал. – А теперь резко напрягите пальцы, чтобы...

Закончить помешали резкий свист выстрелов и удивлённые возгласы.

– Чёрт!

– Ай!

Из раскрытых ладоней вырвались огненные шары и взорвались где-то в тумане, оставив за собой черты раскалённых дуг. Приблизившиеся почти к самому фургону собаки шатнулись назад и разразились лаем.

– Я тоже так хочу! – взвыл Ардоло. И тряхнул жезлом. – Как это работает?!

Но админ оставил крик чёрного без внимания.

– Теперь стреляйте по ним! По собакам!

«В Черныша?!»

Но Сила... Сила туманила разум. Сила наполняла уверенностью и желанием крушить. Сила требовала выхода.

– По собакам!

Слёз больше нет. А впрочем... Откуда взяться слезам? Ведь Грата не умела плакать, у неё даже железы нужные отсутствовали.

– Стреляйте!

Огненный подарок Урано ушёл выше, вновь скрылся в тумане, а вот Грата не промахнулась. Её шар взорвался в косматой гуще, превратив лай в визг и окрасив капли тумана в красное. Следующие два выстрела ударили одновременно, и оба в цель. А затем обладателей перчаток поддержали Изгрино и Ардоло, чьи жезлы, как выяснилось, посылали голубоватые молнии, способные пронзить даже толстый металлический лист.

– Стреляйте!

И персы охотно стреляли, наполняя нечистое поле кровью, мясом и болью.

* * *

Ресторан LeninGrad

Москва, Ленинградский проспект,

2 апреля, суббота, 21.29

– Так это были шасы?

– Да, – подтвердила Всеведа.

– Пьяные?

– Не без этого.

– Но как же они ухитрились поставить на уши всю дворцовую стражу?

– Не только стражу – всех, – уточнила любимая. – Ярина даже подняла резервный отряд.

– Из-за шасов?

– Ага.

На тот случай, если вы вдруг не поняли, объясняю: речь в нашем весёлом разговоре шла о штаб-квартире Зелёного Дома, одном из трёх наиболее охраняемых комплексов Тайного Города, и последняя характеристика автоматически означала, что мы говорили об одном из трёх наиболее охраняемых комплексов на Земле, поскольку превзойти магические системы безопасности у чело́в пока не получалось и в обозримом будущем не получится. Источник Великого Дома Людь и покои королевы защищали самым тщательным образом: оборотни-моряны на территории, дворцовая стража на стенах, подразделение дружины Дочерей Журавля внутри, небольшая ударная группа ведьм «секретного» полка в засаде – охраны хватало, – и, поскольку все они оказались замешаны в бурные ночные события, я слушал повествование с особенным интересом. К тому же я был пострадавшей стороной: именно меня оставила в три часа ночи рванувшая на службу любимая. А мы только-только вошли во вкус...

– В «Биржевых хрониках» собралось пятеро великовозрастных молокососов, день рождения праздновали...

– В «Хрониках» же скучно до безумия. – Место сбора главных финансистов Тайного Города я посетил всего один раз и едва не сломал челюсть, зевая от тамошней тоски.

– Это тебе скучно, а они небось за движениями акций на Нью-Йоркской бирже наблюдали, – предположила Веда. – Или монетки пересчитывали.

– На скорость?

– Шасы, знаешь ли, не хуже нас умеют развлекаться. Только мы их не понимаем.

Я театрально вытаращил глаза:

– Не ожидал услышать от тебя подобные слова. Откуда толерантности подцепила?

– Всё тебе расскажи, – рассмеялась любимая.

– Узнаю – получишь вожжами.

– Как же ты мне нравишься, когда включаешь главного.

Веда прикоснулась к моей щеке, и мне захотелось... Ну, вы понимаете... Есть женщины, рядом с которыми крышу может снести в любой момент. Я такую называю любимой. Если вам повезло, вы свою называете так же.

– Я могу продолжать?

– Ага.

– Упившись в «Хрониках», шасы решили сыграть в «портальные прятки».

– Дорогое удовольствие, – пробормотал я.

Для «портальных прятков» требуются артефакты перехода с минимальным временем повторного срабатывания и настроенный на генетические метки участников «локатор», с помощью которого «вода» пытается догнать игроков и осалить прежде, чем они прыгнут в очередной портал. Всё вместе, включая стоимость потраченной магической энергии, тянуло на

недельный доход крупного универмага, но в «Биржевых хрониках» собирались только удачливые делцы.

– Догадываешься, куда они отправились поиграть?

– В Лосиный Остров.

– Пять-шесть порталов в минуту, – развела руками Всеведа. – Наблюдатели на уши встали. Моряны метнулись, но поймать не могут: те постоянно прыгают, выныривают и прыгают снова. Ярина решила, что видит отвлекающий манёвр, и подняла резервную группу, нас вызвали... Тут моряны одного успели накрыть, тот в ужасе, потом выяснилось: они понятия не имели, что в Лосином Острове развлекаются, думали, что в Битцевском парке, – попытался отмахнуться палкой с «Кузнечным молотом», сломал моряне левый рог, девочка озверела, шасы врассыпную...

Я рассмеялся.

Думаете, моя подруга – обыкновенная ведьма, каковых в Тайном Городе пруд пруди? Ха! Ну, думайте, думайте. На самом деле Всеведа – фата с твёрдым уровнем «жрица», и подобных ей – раз, два и обчёлся. Вы спросите, почему же она не в высшей лиге? Да очень просто: талантливых девчонок в Зелёном Доме всегда хватало, а жриц требуется восемь. Ещё королева, ещё воевода дружины Дочерей Журавля, ещё пара должностей – и всё, перечень мест, где можно раскрыться в полную силу, закончен. Отбор, конечно, строжайший, но сильных колдуний, повторюсь, больше, чем нужно, и потому магическое мастерство далеко не всегда является главным критерием обретения заветного положения. И те, кому не повезло в интригах, на всю жизнь остаются фатами, лишь в мечтах обретая настоящее могущество.

Моя Всеведа не жрица, зато служит в «секретном» полку Её величества королевы Всеславы на одной из тех редких должностей, где требуется уровень не ниже «возможно, жрица».

Вы не знаете, что такое «секретный» полк? Это те самые девчонки, благодаря которым Её величество спокойно спит в своей роскошной королевской кровати. Нет, у дверей спальни стоят другие девчонки, из дружины Дочерей Журавля, элитные боевые маги Люди. Дружинницы искренне считают себя оплотом Великого Дома, но Всеведа и её коллеги делают так, что охранная служба могучих боевых ведьм не более чем рутина: всех злодеев «секретные» колдуньи истребляют вдали от дворца. Всеведа – начальник приказа «В», в ранге второго заместителя воеводы «секретного» полка. «В» – от слова «Великий» или «Внутренности», кому как нравится, и занимается моя любимая внутренней безопасностью Зелёного Дома, выискивая крамолу среди самих людов. С виду работа не самая благородная, но королевы, вы уж мне поверьте, приказ «В» ценят, поскольку интриги и замыслы дворцовых переворотов так же проходят по разделу «крамола». Уловили?

– В общем, шасов мы продержали до полудня, потом отпустили, – закончила Всеведа и пригубила вина.

– Раньше, если я правильно понимаю, всё ограничилось бы порицанием и дружеским подзатыльником, – произнёс я. – Они ничего особенного не сделали.

– Я знаю. – Всеведа внезапно посерьёзнела и рассеянно оглядела посетителей. Народу в ресторане было вдоволь, и, не позаботясь я о столике заранее, пришлось бы обходиться бутербродами за барной стойкой. Мы же уселись подальше от веселья, среди книжных шкафов, но и тут мою красавицу находили мужские взгляды. В арсенале зелёных колдуний есть такое хитрое заклинание, «Ничего особенного» называется, однако Веда использовала его крайне редко, поскольку ей нравилось купаться в мужском восхищении.

– С шасами вы поступили слишком жёстко.

– Сейчас всё очень серьёзно, – вздохнула любимая. – Гораздо серьёзнее, чем раньше. Ты ведь слышал, что у нас завёлся мятежный нав?

– Об этом Город больше года сплетничает. Даже надоело.

Лично меня беглые, революционные и прочие навы особенно не интересовали, не настолько я углублялся в интриги Тайного Города. Честно говоря, вообще не углублялся, поэтому на всякого рода страшилки реагировал немного отстранённо.

– Беглый нав действительно существует, и он весьма силен. Я не могу рассказать тебе всё, что знаю, но вот один факт: он способен подчинить своей воле любого разумного.

– Загипнотизировать?

– Хуже: именно подчинить. Это древняя методика, позволяющая осуществить комплексное воздействие на жертву, сменить её восприятие, если угодно, и превратить не в запрограммированного раба, но в преданного, убеждённого сторонника. Можно сказать, это скверна навов.

– И с ней нельзя бороться?

– Сейчас мы научились определять, подвергался объект ментальной операции или нет, – тихо ответила любимая. – Аркан Ярги оставляет едва различимые следы в ауре, и теперь мы проверяем всех посетителей и работников дворца. И порядки ужесточили.

Всеведа редко рассказывала о службе и о том, что происходит за высокими стенами Зелёного Дома – секретность, чтоб её. И вице-воевода «секретного» полка знала об этом слове гораздо больше остальных. Но иногда позволяла себе расслабиться, выговориться, выплеснуть, что накопилось, и в эти моменты я, как правило, оказывался рядом.

– Всё будет хорошо. – Я накрыл ладонью руку любимой. – Всё обязательно будет хорошо.

– Откуда знаешь?

– Я уникальный маг-предсказатель.

– Не обладающий способностями?

– Я скрытый маг. Спрятанный.

– Не надо так шутить.

– Ты можешь проверить меня в любой момент и любым способом.

– В любой и любым? Даже здесь и сейчас?

В её глазах вспыхнул огонь. Увидев который, я вновь начал заводиться.

– У тебя наверняка есть заклинание на подобный случай.

Отвести глаза окружающим, запретить приближаться к нам и расположиться прямо на столике...

– А без заклинания?

– Всегда, когда скажешь.

– Слопал контейнер «Виагры»?

– У меня есть ты, этого достаточно.

Этого действительно было достаточно.

Как все представительницы Зелёного Дома, Всеведа была блондинкой... Нет, она была ослепительной блондинкой: густые волосы до плеч, огромные ярко-зелёные глазищи, высокие скулы, точёный носик, полные губы, малюсенькая ямочка на подбородке и ещё ямочки на щеках, они появлялись, когда она улыбалась.

Боже, как моя Всеведа умеет улыбаться!..

О размерах её бюстгалтера вы уже имеете представление, но это лишь самая выдающаяся часть восхитительной фигуры моей колдуньи. Узкие плечи, тонкая талия, стройные, но крепкие ноги, изящные руки. Повторюсь: Всеведа настоящая приманка для мужских взглядов, рядом с ней даже девяностолетний паралитик сумеет тряхнуть стариной... Во всяком случае, пожелает ею потрясти.

И вся эта прелесть – в моей безраздельной собственности. Круто? Когда я думаю об этом, то готов убить себя, чтобы оказаться на своём месте.

– Дома, – пообещала любимая. – Сегодня я хочу дома.

– Как скажешь.

Мы выпили вина, помолчали, после чего Веда вновь вернулась к тому, что занимало её мысли. Вновь стала выговариваться:

– В последнее время все головы потеряли от напряжения. Сначала предстоит королевская свадьба, потом рождение королевского ребёнка... События знаковые, и, если кто-нибудь из врагов захочет нанести удар, лучший случай придумать трудно.

Иногда, когда Веда задумывается или занята делами, её глаза стареют, превращаются в глаза опытной, немало повидавшей и немного уставшей от жизни женщины, а так – девчонка девчонкой. И скажу честно: я люблю её глаза и такими, и такими, мне всё равно.

– Вряд ли Великие Дома захотят воспользоваться случаем: такую подлость им не простят.

– Кто не простит?

– Поймала... – Я развёл руками. – В целом их репутация будет безнадежно испорчена.

Всеведа кивнула, показывая, что поняла меня, и негромко произнесла:

– Речь идёт не только о Великих Домах.

Ах да, приказ «В»! Любимой положено искать неприятности повсюду.

Я никогда не спрашивал, но уверен, что Веде приходилось убивать своих.

– Кто-то боится будущего ребёнка королевы Всеславы?

– Королева – выборная должность, поэтому теоретически рождение ребёнка не имеет особенного значения, это личное дело Её величества и барона Мечеслава, но... – Веда покачала головой. – Всеслава молода и сильна, Мечеслав амбициозен и умён. Некоторое время назад их уравнивали Милана, но она поддалась скверне Галла и сошла со сцены. Ярина Всеславу слушает. В Круге жриц у королевы большинство...

Дальше можно не продолжать.

– Кто-то боится появления династии?

Не нужно быть знаменитым детективом, чтобы оценить происходящее.

– Верно, – кивнула Всеведа.

– Думаешь, это возможно?

Легкое пожатие плеч, маленький глоток вина, взгляд в сторону. Моя любимая давала понять, что и так сказала гораздо больше, чем собиралась.

Я понял, что Веда выговорила, убрал руку с её ладони, вновь приняв непринуждённую позу, сделал глоток вина и предельно легко произнёс:

– Не думал, что когда-нибудь скажу это, но в ближайшие дни твои частые отлучки во дворец меня устраивают.

– Вот как? – подняла брови моя ведьма. – Нашёл кого-то?

– Я подписал контракт со Службой утилизации и вскоре еду в Питер.

– Зачем?

Наступил самый тонкий момент вечера. Я сотни раз прокручивал в голове наш разговор, однако, как бы ни старался, видел всего два выхода: соврать или сказать правду. Врать Всеведе глупо, не только из-за её имени: попробуйте как-нибудь обвести вокруг пальца профессионального боевого мага, у которого чувства обострены настолько, что о них порезаться можно, потом расскажете. Моя любимая различала ложь гораздо лучше хвалёного полиграфа, и я, вздохнув, с головой ушёл в омут истины:

– Кажется, кто-то убил любимого йоркширского терьера Карида Кумар, и я должен расследовать это ужасное преступление.

В первый момент Всеведа даже не поняла, что я сказал. Потом поморщилась. Потом негромко уточнила:

– У шаса умерла собачка?

– Карида Кумар считает, что она была безжалостно убита.

Но кошмарные подробности не произвели на любимую особенного впечатления: повидала на своём длинном веку кошмарных убийств, ещё одним не проймешь.

– Собачка?

– Любимая.

– Это шутка?

– Всё абсолютно серьёзно. – Я отчаянно пытался донести до взбешённой ведьмы всю важность контракта, но получалось, откровенно говоря, слабо. – Карида Кумар – троюродная племянница Михара Турчи, директора Службы утилизации...

– Я знаю, кто он!

Возглас прозвучал довольно громко, и на нас стали оборачиваться. Женщины смотрели с осуждением, мужчины – с надеждой, рассчитывали, что мы поругались и прекрасная женщина останется одна. Кажется, никто из них не разглядел появившиеся на кончиках пальцев моей любимой искорки нарождающейся «Шаровой молнии».

– В Питер уже направляли две группы менеджеров по оперативному вмешательству, разобраться они не сумели, отчаялись и обратились ко мне.

Не подействовало. Я надеялся, что Всеведу насмешит неудача высококлассных волшебников, но любимая, похоже, не услышала.

– Что станет с твоей репутацией?! Профессионал никогда не возьмётся за расследование... – от возмущения у вице-воеводы «секретного» полка перехватило дыхание... Оценили происходящее? Вот-вот... – Собачку убили?

– Жестоко.

– Кто это сделал?

– Говорю же: две группы Службы утилизации не смогли ответить на этот вопрос.

– Две группы?

Любимая обрела слух! Аллилуйя!

– Единственное, что они не использовали, – «Поцелуй русалки». Санкцию на такое сильное вмешательство им никто не даст.

– Потому что речь идёт о болонке!

– Не болонка, а йоркширская сука по кличке Преференция. – Мне показалось, что гнев Всеведы проходит, и я попытался подбросить в костёр нашего разговора дровишек добра и нежности. – Ты же любишь животных?

– Шасы над тобой издеваются!

Нет, гнѐв ещё не прошѐл.

– Тебя это бесит?

– Да.

– А не должно.

– Почему?

Не хочешь по-хорошему – придется выслушать правду. Тем более я давно хотел определиться с нашими отношениями, но всё время откладывал. Всё время казалось, что «сейчас не время».

– Мы оба знаем, что я никогда не стану тебе ровней ни по крови, ни по способностям, – медленно произнёс я, искренне надеясь, что у любимой хватит выдержки не запустить мне в лицо «Шаровой молнией». – Я твоя прихоть, а за прихоть не может быть стыдно. И мне, если ты спросишь, не стыдно быть твоей прихотью. У нас настолько всё замечательно, что иногда мне кажется, будто я сплю, а потому прошу: не порти наши отношения, не становись моей мамочкой и всегда помни, что я не колдун. А даже если бы и был колдуном, то всё равно остался челом.

– Ты не прихоть.

Пауза после этой фразы получилась довольно долгой, но я честно прослушал тишину до самого конца. Хотел услышать, что она скажет. И ещё я понял, что сумел удивить любимую. Возможно, не впервые, но точно очень-очень сильно.

– Мне иногда кажется, что ты моя последняя любовь. И плевать на то, что ты чел.

Ваше сердце когда-нибудь падало куда-то глубоко-глубоко вниз, примерно к центру Земли? А потом резко, с неимоверной скоростью поднималось выше неба, звёзд и даже соседних галактик? Нет? Вам не повезло, ребята, вы не любили. А вот моё сердце проделало вышеописанные кульбиты сразу после слов Веды.

Но продолжения не последовало, поскольку мы оба понимали, что ещё не время. Сейчас – не время. Сейчас мы обсуждали не любовь, а отношения, что совсем другое.

– А ещё ты балабол, – сказала любимая. – И я ни за что не стану твоей мамочкой. Сам выпутывайся из своих контрактов.

– Я тебя обожаю.

– Ты меня позоришь.

– Преднамеренное убийство беззащитного животного – страшный грех.

– Не рассказывай никому об этом контракте.

– Не могу представить, как буду спать в холодной питерской постели.

Веда многообещающе посмотрела мне в глаза и тихо произнесла:

– Зато сегодня твоя постель будет горячей.

Я уже говорил, что любимая слов на ветер не бросает? Нет. Так вот, не бросает.

* * *

Офис ИП «Лучезарная повелительница

магических ветров Вселенной Светлолика»

Санкт-Петербург, улица Большая Морская,

4 апреля, понедельник, 16.28

– Опять ты?

– А что, нельзя?

– Я ведь сказала, что не могу помочь.

– Я помню. – Саша прошла в кабинет, без разрешения уселась за стол – пришлось развернуться, чтобы оказаться лицом к уютному уголку, в котором, как было и в прошлый раз, расположилась ведьма, – и мрачно посмотрела на Светлолику.

Та ответила наигранным удивлением.

– Решилась насчёт мужа? Раз уж ты такая настырная, сделаю тебе скидку. – Хорошо просчитанная пауза, за которой последовало ехидное: – И мужика выберу хорошего, чтоб подруги завидовали.

– Мужика я сама найду.

– Почему же до сих пор одна?

– Интересные не попадались.

– Врёшь, – прищурилась «лучезарная». – Интересные попадались, только доставались другим.

Резкий удар должен был задеть молодую женщину, вывести её из себя, однако Саша ответила ровно:

– Захотела бы – не отдала.

– Ты не отдавала, у тебя забирали.

Поведение ведьмы вызывало недоумение: Светлолика очевидно провоцировала молодую женщину, держалась высокомерно, можно сказать, нагло, каждым словом и каждым жестом намекая на скандал. Агрессия Светлолики не имела логического объяснения, по всему получалось, что за несколько дней, прошедших с их первой встречи, Саша вдруг превратилась в её злейшего врага, но как? И почему?

Саше захотелось ударить.

Нет, захотелось убить. Почувствовать бушующую в ладони Силу, прицелиться, резко напрячь пальцы, как учил Ваятель, и врезать наглой ведьме в лицо. Огнём врезать, чтобы вместо её головы засиял раскалённый шар. Саше захотелось так, что дернулись пальцы правой руки, но...

Но уже в следующий миг ненавистная физиономия Светлолики сменилось мордой косматого Черныша, который, возможно, вовсе и не был Чернышом. Сначала морда привиделась скалящейся, а потом растерзанной: челюсть сломана, глаз выбит, шкура обожжена, а там, где не обожжена, пропитана кровью. Растерзанной морда стала после огненного удара. Снилось она Саше каждую ночь и часто вставала перед глазами днём. А ещё к ней приходило воспоминание того ужасного смешения мусора, грязи, камней, костей, клыков и мяса, в которое превратилась стая. Воспоминание было настолько острым, что Сашу тошнило всякий раз, когда оно накатывало, и в такие минуты женщина мечтала лишь о том, чтобы проклятое видение никогда не возвращалось.

– А если я скажу, что мне нужна помощь? – жалобно спросила Саша.

Неожиданное заявление вызвало легкое замешательство.

– Помощь? – переспросила «лучезарная».

– Если я скажу, что мне плохо? – Черныш, кровавое месиво, Черныш, визжащие подранки, воюющие подранки, скулящие подранки, Черныш... – Если я скажу, что мне очень плохо?

– В тебе нет плохого, – быстро произнесла опомнившаяся ведьма. – Я посмотрела.

– Как?

«Как ты могла увидеть ужас, что лезет мне в душу? Где ты могла разглядеть грязь, в которой я вывалилась на загородной помойке? Ты обитательница уютного офиса в странном доме, что ты можешь знать о моих проблемах?»

– Я бросила на тебя карты, – призналась Светлолика.

Теперь удивилась Саша:

– Зачем?

Странное поведение, учитывая агрессивное начало разговора и то, что в прошлый раз ведьма демонстративно отказалась отвечать на вопросы.

– После твоего ухода я поняла, что мы ещё увидимся, и подготовилась, – с улыбкой ответила «лучезарная».

– Какая проницательность!

– Я ведьма, помнишь? Предвидение играет в моей жизни важную роль.

– Расскажи мне правду.

– Тебе срочно нужен мужик.

И очередная нахальная фраза стала детонатором, взорвавшим бочку пороха, в которую превратилась Саша.

– Хватит дурить! Дай мне ответы! Дай мне правду! Я хочу... – И снова предсмертный оскал Черныша, скулящая стая, огненные шары, кровь. – Я хочу знать правду!

И тут Светлолика допустила ошибку. Она не поняла, что женщина практически в истерике, а если и поняла, то решила на это наплевать и продолжила как ни в чём не бывало:

– Карты сказали, что ты на перепутье, но уже приняла решение и скоро...

– Заткнись, идиотка! Я хочу знать правду! – Саша вскочила на ноги и застучала кулачком по столу. – Что происходит? Во что мы играем? Кто наши персы?

– Какие персы?

– Так ты не знаешь?

«Показать? Конечно, показать! Обязательно показать! Пусть пожалеет!»

Черныш исчез, вместо него улыбающаяся ведьма, лживая тварь, вызывающая не рвоту, но отвращение. Подлая мерзавка, решившая поиздеваться над несчастьем посетительницы. Достойная смерти...

– Сейчас ты узнаешь, о каких персах идёт речь, – вдруг очень медленно и очень спокойно произнесла Саша, опуская руку в карман джинсов.

И вздрогнула, не обнаружив там брелока.

«Проклятье!»

Он ведь был! Теперь она всегда носит его с собой. На всякий случай. На всякий...

– Где он?!

– Кто? – вытаращилась «лучезарная».

– Где мой брелок?! – взвизгнула Саша и попыталась схватить сидящую ведьму за руку, но та ловко уклонилась, вскочила на ноги и отбежала в другой угол. Теперь между ними оказался стол.

– Держи себя в руках, человская дура!

– Где мой брелок?

– Этот?

Светлолика взмахнула рукой, Саша проследила за направлением и обнаружила розовый камень лежащим на чёрном бархате скатерти. И, несмотря на туманящую разум ярость, осведомилась:

– Как ты это сделала?

– О чём ты думала, заявившись ко мне со столь мощным артефактом? Рассчитывала, что я его не замечу?

– Я рассчитывала, что ты им заинтересуешься! – прорычала Саша, пытаясь достать из внутреннего кармана куртки футляр с очками. Проклятая штука застряла и никак не хотела вылезать. – Я очень рассчитывала показать тебе кое-что!

– Пожалуй, обойдусь, – решила ведьма.

– Что? Стой!

Но очередной крик пропал втуне: вокруг ведьмы завертелся зелёный вихрь, Сашу обдало морозным холодом – его резкое дыхание заставило молодую женщину сделать шаг назад, – а в следующий миг «лучезарная» исчезла.

– Вернись, сука! Вернись!!

– Ты уверен, что она не подожжёт офис? – осведомилась ведьма, разглядывая беснующуюся женщину.

– Не должна, – пожал плечами Ваятель. – В принципе, она у нас мирная... Поэтому я и попросил тебя довести её до белого каления: мне нужна ярость.

– Я серьёзно насчёт офиса.

Админ покосился на встревоженную фату, понял, что она не шутит, и вздохнул:

– В этом городе ты стала похожей на шасу. Осталось только волосы перекрасить.

– Конечно, не твоя ведь собственность в опасности.

Неожиданное и явно волшебное исчезновение Светлолика произвело на Сашу сильное впечатление, но отнюдь не такое, как рассчитывала люда. Выяснив, что «лучезарная повелительница» не шарлатанка и всё это время смеялась над ней, женщина рассвирепела. Несколько секунд Саша бегала по кабинету, словно играя в «догонялки» с невидимкой, затем схватила за ножки один из гостевых стульев и приступила к погрому. Первой жертвой пал хрустальный шар, осколки которого разлетелись по всей комнате. За ним последовали полки, рухнувшие со всем содержимым, люстра и торшер, после чего женщина занялась драпировкой.

– Ты уверен, что нам следует это терпеть?

– Чем больше эмоций, особенно таких сильных, тем лучше, – уверенно ответил Ваятель. – Ярость, агрессия, гнев... Я с трудом заставил Сашу атаковать собак и хочу раз и навсегда разобраться с её чувствами. Пусть бесится. Пусть ярится. Пусть привыкает выражать гнев и даже неудовольствие насилием.

Короткий портал перенёс ведьму в соседнюю комнату, и теперь они с админом наблюдали за действиями Саши через запасной хрустальный шар, в точности копирующий погибшего собрата. Размер монитора был небольшим, зато качеству картинки позавидовали бы и в Голливуде.

– А вдруг собаки её сломали?

– Ни в коем случае: мы боремся с остаточными явлениями, которые способны вызвать рецидив сомнений. Что же касается самого решения, то Саша его уже приняла.

– И всё равно вторая команда мне нравится больше, – заметила Светлолика.

– Напрасно, – усмехнулся Ваятель.

– Твои любимчики слишком сложны и в некоторой степени инфантильны.

– Ты перечисляешь их достоинства.

– У той группы нет психологических проблем, им не требуется ставить агрессию или прививать склонность к насилию. Они уже готовы.

Админ понял, что ведьма не уймётся, и решил покончить с надоевшей темой одним коротким ответом:

– Члены второй команды тупы и прямолинейны.

Но у Светлолики имелось собственное мнение на этот счёт:

– Мне нужны убийцы, а не шахматисты.

– Ошибаешься! – Теперь Ваятель рассмеялся. – Тебе нужны не убийцы, а умелые воины, способные справиться со сложнейшим заданием. Тебе нужны бойцы, которые не растеряются под перекрёстным огнём, не отступят и смогут молниеносно скорректировать план с учётом обстановки. А обстановочка там будет – Спящий вздрогнет. Так что нет нужды нахваливать вторую команду, Светлолика, я сильно удивлюсь, если она станет основной.

– Станет, если ты не подыграешь любимчикам.

– Даю слово, что ничем не помогу им.

– В таком случае я готова поставить на вторых. – Светлолика подняла левую руку и продемонстрировала Ваятелю средний палец. – Как тебе перстень?

– Прекрасный изумруд, – оценил тот. – Работа Женера Хамзи?

– Женера-старшего, – уточнила Светлолика. – Перстню восемьсот лет.

– Я отвечу парой сережек от Тиллида Кумара, – решил Ваятель. – Пятьсот лет, а они до сих пор как новые.

– Договорились. – Ведьма протянула собеседнику руку, а после пожатия вновь обратилась к шару. Тяжело дышащая Саша как раз захлопывала дверь. С грохотом захлопывала. – И ещё ты мне должен ремонт офиса.

– У тебя в роду точно не было шасов?

– Чистоте моей крови даже королева завидует. – Светлолика прошептала короткое заклинание, намертво запирающее дверь в офис, и повернулась к Ваятелю. – Я проверила брелоки игроков и не могу сказать, что сильно рада результатам: они всё ещё дают слишком сильное излучение.

– В три раза ниже среднего уровня магического фона, – уточнил админ. – Брелоки пройдут любую проверку.

– Мне не нужно твоё слово, мне нужен тот уровень излучения, о котором мы договаривались: в пять раз ниже фона. Я не хочу сорвать операцию в самом начале.

– Хорошо, – буркнул Ваятель. – Я посмотрю, что можно сделать.

– Как? – Светлолика удивилась.

– Брелоки будут фонить так, как мы договаривались, – сдался админ. – Даю слово.

* * *

*Православное Волковское кладбище
Санкт-Петербург, улица Камчатская,
4 апреля, понедельник, 19.12*

– Вот и выходит, что я теперь кто-то вроде оборотня, – грустно усмехнулся Борисыч, глядя на фотографию жены. – По собственному желанию превращаюсь в странное существо и... И учусь убивать. – Старик вздохнул. – Да что там врать? Уже убиваю. Те псы...

Валентин Борисович собак не любил, никогда и никаких, и причин такого отношения не знал – так получилось. Соседские дворняги его в детстве не кусали, здоровенные бойцовские псы не пугали, карманные карлики раздражения не вызывали, но... Не любил. И шестьдесят с лишком лет был абсолютно к ним равнодушен, однако бойня, которую игроки устроили по приказу админа, старика зацепила. Ему было плевать на собак. Он ужаснулся тому, что безжалостно убивал слабых. И поэтому пришёл на могилу жены, чтобы впервые рассказать ей о том, чем занимался последние недели. И не просто рассказать, а исповедоваться, признаться в том, что скрывал даже от себя.

– Почему я до сих пор не ушёл? Потому, что это наркотик, любовь моя, самый настоящий наркотик. Я чувствую каждую клеточку молодого, здорового и очень сильного тела. Оно становится моим, оно дарит незабываемые впечатления. Я наслаждаюсь возможностью бегать, прыгать, подтягиваться на руках и... сражаться. В детстве я даже боксом не занимался, а теперь мне нравится сражаться, представляешь? И я не заметил, как полюбил бить. Оказывается, это очень легко: полюбить бить, полюбить быть сильным. Главное – часто побеждать, и тогда желание ударить станет естественным... Нет, я не стал агрессивным, нет... Я по-прежнему спокоен, выдержан, скорее уйду, чем вспылю, но теперь я стал жестоким. Если меня вынудят драться, пощады не будет. И мне это не нравится, Катенька. Тому мне, который был раньше. А мне, новому, нравится... Я не понимаю, почему стал таким? Неужели внутри меня всегда жила эта чёрная сторона? Жажда насилия...

Снова пошёл дождь. Нет, не дождь – просто мелкая изморось, делающая лицо влажным. А вместе с изморосью явился зябкий ветер, заставивший Валентина Борисовича застегнуть верхнюю пуговицу пальто и взглянуть на часы.

– Сегодня я засиделся...

В весенних сумерках терялась не только колокольня Святого Иова, но даже соседние надгробия.

– Пойду я, – извиняющимся тоном произнёс старик, поднимаясь со скамьи. – На этой неделе ещё приду, расскажу, что и как... Может... – Он помолчал. – Может, и правда пора с этой игрой завязывать.

Он улыбнулся, двумя пальцами дотронулся до фотографии, вздохнул и неспешно пошёл к кладбищенским воротам.

Учитывая позднее время, имело смысл вызвать такси, однако Валентин Борисович привык ходить до кладбища и обратно пешком: длинная прогулка настраивала его на нужный лад по дороге туда и позволяла продолжить разговор с женой по дороге обратно. Или обдумать разговор. Или же просто предаться приятным воспоминаниям о том бесконечно далёком и бесконечно прекрасном времени, когда...

– Сука!

Наверное, когда-то давно, лет десять или двадцать назад, они должны были попросить «закурить», соблюдая, так сказать, неофициальный ритуал «разбойник-жертва» и оставляя шанс закончить «разговор» без насилия. Жертва оценивала происходящее: трое против

одного, пустынная, как по Блоку, улица, помощи ждать неоткуда, и сама принимала решение относительно дальнейших действий. Кто-то начинал драться, кто-то пытался удрать, кто-то безропотно выварачивал карманы, отдавая «сигареты», то есть всё, что понравится хулиганам.

Но так было раньше. А теперь старика сразу ударили по голове, и сознание он не потерял лишь потому, что был ещё достаточно крепок.

Но с ног его сбили. И тут же, не позволив опомниться, рванули за пальто, с торопливой жадностью добираясь до внутренних карманов.

– Телефон есть? – писклявым голосом осведомился третий бандит, которому выпало стоять «на шухере». – Телефон берите! Только «симку» выбросить надо.

– Без тебя знаем! – рявкнул второй.

– Всё есть! – радостно подтвердил первый, успев достать из внутреннего кармана пальто бумажник.

– Дерьмо! – выругался второй, оставшись недовольным моделью телефона. – Ты почему смартфон не купил, жадная сука? Тварь!

Вскочил и пнул Борисыча под рёбра.

– Зато денег навалом! – хихикнул первый. – И ключи от квартиры.

– Где остальные лежат?

– Ага.

– Ключи брось, – велел третий.

Однако второй почуял наживу и отступать не собирался. Плотные сумерки, пустынная улица, беззащитность жертвы – всё это сформировало в пропитанных героинном мозгах ощущение полнейшей безнаказанности и собственного всемогущества. Грабитель решил продолжить веселье и резко потряхнул старика.

– Ты где живёшь?

– Что? – прохрипел Борисыч.

Тем временем первый вытащил из потайного кармана брелок и восхищённо присвистнул, когда камень влажно блеснул в луче фонарной лампы.

– Настоящий?

– Пластик небось, – хрюкнул третий.

– Он тяжёлый.

Третий наркоман пнул Борисыча ногой:

– Камень настоящий? Дорогой?

– Где живёшь, старый осёл? – не успокаивался второй. – Отвечай! Где живёшь?!

– Я паспорт нашёл! – Первый радостно потряс книжицей. Пролистал пару страниц и сообщил: – На Седова этот козёл живёт.

– Зайдем?

– А почему нет? – Второй грабитель посмотрел на старика. – У тебя дома есть ценности?

Наркоманы знали, что неплохо заработали и нужно бежать, что удача способна в любой момент повернуться спиной и случайный полицейский патруль перевернёт всё с ног на голову, но не двигались, продолжая упиваться властью над беззащитным стариком.

– Я его всё-таки прирежу, – решил второй.

– Зачем? – вяло произнёс третий.

– Чтобы не опознал.

Второй достал нож.

Но лежащий на животе Борисыч успел нацепить на нос очки и скороговоркой выпалить:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,

А вместо сердца – пламенный мотор.

И зелёный камень, который полуграмотные грабители отчего-то сочли изумрудом, неожиданно разломился и обратился в туман. Который, в свою очередь, едва ли не молниеносно сконденсировался в крепкого зеленокожего бойца, примерно в тридцать пять дюймов ростом.

– Что за хрень? – растерялся второй.

И тут же получил ногой в коленную чашечку. Урано был маленьким, но отнюдь не слабым.

Воспользовавшись естественным замешательством бандитов, боец выхватил из ящика первое, что попало – прямой короткий меч, – и резанул по тыльной стороне бедра ближайшего врага. Первый взвыл и попытался зажать рукой хлещущую из раны кровь. Пришедший в себя третий метнулся к низкорослому, которого принял за карлика, но Урано ловко ушёл от ножа и тут же рубанул противника по кисти, рассекая кости, сухожилия и вены. Ещё один вопль. А за ним – удар в спину. Второй подкрался и резко отшвырнул Урано в сторону. Воин упал, прокатился по грязному асфальту, вскочил, но не на ноги – на корточки и таким образом уклонился от дубинки. Искать потерянный меч не стал, бросился вперёд и изо всех сил ударил врага головой в промежность. Трезубец «короны» погрузился в тело, и горячая кровь омыла лицо бандита. И грязные штаны бандита.

– Ха!

За секунды, за считанные секунды всё было кончено. Первый не воеет и даже не поскуливает: лежит в луже крови, вытекающей из разрубленной артерии. У второго дёргаются ноги, но крови он лишился не меньше, чем первый, а значит, скоро затихнет. Третий в шоке, сидит на земле, прижимая к груди отрубленную кисть и тупо пялится на зелёного человечка. Третьему кажется, что это сон. Или что у него ломка и пришёл очередной кошмар. Третий не в силах поверить, что их убивает невысокий зелёный человечек, в котором так мало человеческого...

И который деловито собирает отнятые у старика вещи: документы, бумажник, часы... затем подхватывает меч, подходит к оставшемуся в живых наркоману, несколько секунд с презрением смотрит на него, после чего очень холодно произносит:

– Вы не должны были так себя вести.

Словно объясняя происходящее.

Третий молчит, но ответа не требуется, потому что в следующую секунду острый клинок рассекает бандиту горло.

* * *

Вилла «Паллада»

Санкт-Петербург, Курортный район,

5 апреля, вторник, 10.10

– Их обязательно найдут.

– Уже нашли, – поправил Петра Ваятель. – Думаю, трупы этих животных обнаружили ночью, и тогда же начались следственные мероприятия.

– Что же... – Голос предательски дрогнул, поэтому Валентин Борисович откашлялся и начал фразу заново: – Что же нам делать?

– Ничего, – пожал плечами админ с таким видом, словно ему не раз и не два приходилось обсуждать последствия тройного убийства. Точнее, поведения виновного в тройном убийстве и сокрытия следов преступления.

– Ничего? – удивилась Саша.

До сих пор молодая женщина молчала, вскрикнула, услышав от Борисыча обречённое: «Я убил трёх человек», задрожала и с тех пор притихла, клубочком свернувшись в самом дальнем от старика кресле. Надеялась, что мужчины что-нибудь придумают, и поэтому изумилась словам Ваятеля.

– Вообще ничего, – повторил тот, подошёл к столу и добавил в чашку крепкого и чёрного кофе из ещё горячего кофейника. – Валентин Борисович, надеюсь, вы не забыли на месте сражения паспорт?

Пару секунд старик осмысливал вопрос, после чего негромко ответил:

– Урано забрал все вещи.

– И к вам, как вы наверняка заметили, до сих пор не заявили сосредоточенные молодцы с Суворовского проспекта.

– Как вы наверняка заметили, я не дома, – неожиданно язвительно отозвался Борисыч. – Поэтому насчёт молодцов с Суворовского ничего определённого сказать не могу.

– После сражения вы провели в своей квартире почти два часа, – мягко напомнил Ваятель. Все давно обратили внимание, что админ избегает слова «убийство». – Поверьте, Валентин Борисович, они успели бы.

– Гм... Пожалуй.

Вернувшись домой, старик махнул стакан водки, час отмокал в ванне, ожидая явления полиции, не дождался и позвонил Ваятелю. Думал, придётся оправдываться, но тот среагировал на рассказ так, словно давно ждал чего-то подобного и заранее продумал действия. Приказал никуда не выходить и ничего не предпринимать, приехал через двадцать минут, отвез Борисыча в «Палладу», накачал снотворным и уложил спать. Рано утром обзвонил игроков и велел срочно собраться.

– Валентин Борисович – жертва, на него напали, он защищался, – подала голос Саша. – Надо зафиксировать побои.

– А заодно рассказать, каким образом шестидесятилетний старик ухитрился убить трёх мордоворотов, – вздохнул Петя.

– Мне шестьдесят восемь.

– Тем более.

– Перс, – поняла женщина. – Нельзя сдавать перса.

– Совершенно верно. – Парень глотнул кофе из большой кружки – кстати, Ваятель варил его волшебным – и продолжил: – Валентин Борисович – жертва, но рассказать, что произошло, он не может.

– Фокус в том, что полицейские поверят любому его объяснению, – проскрипел из своего кресла Кег. От кофе или чая он отказался, попросил молока и налёг на овсяное печенье, в одиночку прикончив почти всю выставленную корзинку. – Борисыч скажет, что его били, потом на помощь примчался какой-то герой в плаще с ушами, порубал зверей в капусту и сбежал, не дождавшись благодарности. И ему поверят.

– Почему поверят?

– Потому что семидесятилетний старик неспособен завалить трёх отморожков.

– Мне шестьдесят восемь! – упрямо повторил Валентин Борисович.

– Тем более. – Альфред допил молоко и живо добавил: – Ты молодец, Борисыч, вовремя сообразил бить в артерию, – выдержал короткую, чтобы не перебили, паузу, и продолжил: – Первого всегда надо класть быстро, пока остальные не опомнились.

– Не хочу об этом говорить.

– Руку с одного удара срезал?

Старик отвернулся.

– Главное, что все, видевшие Урано, не смогут никому ничего рассказать.

– А случайные свидетели? Видеокамеры? – немедленно уточнил Кег.

– Будем надеяться, что их не было, – развел руками Пётр. – Да и кто поверит в выско-
чившего из брелока бойца?

– Вот мы и добрались до ключевого момента, – усмехнулся Ваятель, весело оглядывая
игроков. – Если не говорить о персе, о нём никто не узнает, никто не свяжет вас с ним, потому
что ваша связь проходит для обычных людей в разделе «невероятное». В этом заключается
главная страховка. И здесь же таится главная опасность: стоит потерять осторожность, вас
вычислят.

– Неужели? – прищурился Альфред.

– А как же раздел «невероятное»?

– Обязательно вычислят, – жёстко ответил админ. А во взгляде, которым он наградил
инвалида, читалась неприкрытая угроза. – Как только логические объяснения заканчиваются,
челы обращаются к невероятным.

– Кто обращается?

Ваятель поморщился – судя по всему, Саша подловила его на случайной оговорке – и
пояснил:

– Люди. Челы, сокращённо.

И отвернулся.

Несколько секунд на веранде царила тишина, которую в конце концов нарушил Кег:

– Я с удовольствием встретился бы с ними вместо тебя, – произнёс он, салютуя Борисычу
стаканом с молоком.

– Ты сам сказал, что я прекрасно справился, – скупотозвался старик.

– Мечом работал?

– Да.

– Я бы сабли взял. – У Альфреда едва заметно задрожали пальцы. – Лучше резать, чем
рубить.

– Хорошо, что Урано не использовал огненные шары, – добавил Петя. – Сейчас всё выгля-
дит естественно.

– Три трупа, – качнула головой Саша. – Куда уж естественнее?

– Можно считать сражение крещением. – Петя перенял у Ваятеля определение случив-
шегося.

– Лучше я буду считать его убийством, – буркнул старик. – Так честнее.

– Или самообороной.

– Которая закончилась убийством.

– А ты хотел сдохнуть в канаве? – неожиданно осведомился Кег. – Ты действительно
хотел быть зарезанным, как свинья? Ты действительно жалеешь о том, что защитил свою
жизнь?

– Но...

– Никаких «но», идиот! – рявкнул Альфред и яростно стукнул по подлокотнику инва-
лидного кресла. – Ты стоял один против троих! Ты старый, слабый, и только поэтому они на
тебя напали, понимаешь? Только поэтому! Они трусы и шакалы! Они падальщики, выбираю-
щие исключительно беззащитных! Окажись на твоём месте любой другой старик, он бы погиб
вчера, ты это понимаешь? И не надо никаких «но»: его избили бы и зарезали. И лично я рад,
что они напали на тебя, позволив сделать Питер немного чище.

– Но какой ценой?

– Ты даже рук не запачкал.

– Только душу.

– Твоя совесть чиста, Борисыч, ты сделал то, что должен был сделать.

– И хватит об этом! – вступила в разговор Саша. После чего подошла к старику, взяла его за руку и заглянула в глаза. – Вы ни в чём не виноваты, Валентин Борисович, вам не в чем себя упрекнуть.

– Сегодняшняя тренировка отменяется, – негромко произнёс Ваятель. – Полагаю, всем нам нужно обдумать произошедшее.

– Честно говоря, я уже отвык бездельничать, – улыбнулся Петя.

– На работе? – глупо переспросила Саша.

– В проекте, – хмыкнул парень. – И командные тренировки нравятся мне гораздо больше индивидуальных.

Собственно, игроки уже недели две не занимались по квартирам: или рубились на вилле, где помимо крепости Ваятель выстроил ещё четыре полигона, или уезжали в область и бегали по сырым весенним лесам.

– Кланом интереснее?

– Жёстче, – уточнил парень. – Никто не играет в поддавки.

«Палладу» Саша и Петя покинули вместе: это уже стало традицией и давно никого не удивляло. Как перестали удивлять и вызывать шуточки их утренние появления. Дальше совместных поездок и искренних разговоров они ещё не продвинулись, однако Саша понимала, что всё это – вопрос времени, и сознательно не ускоряла происходящее, не давила. Думала, что нынешняя поездка станет обычной: Петя доставит её к дому и уедет, но тот предложил пообедать, и они оказались в уютном загородном ресторане.

– Кажется, Борисыч придумал самую жёсткую из всех возможных тренировку, – обронила Саша.

Несколько секунд Петя обдумывал услышанное, после чего оторопело уставился на подругу:

– Шутишь?

– Отнюдь.

– Думаешь, он специально искал встречи с отморозками?

Их столик стоял в отдалении, единственный ближайший пустовал, поэтому Пётр и Саша могли говорить достаточно свободно, хоть и негромко.

– Конечно, не специально, и, конечно, не искал, ты что, плохо изучил старика? – Молодая женщина тихонько рассмеялась, но тут же вновь стала серьёзной. – Но если бы у Борисыча не было в кармане Урано, он ни за что не стал бы гулять так поздно.

– А-а... это... – Парень чуть расслабился. – Я согласен с Кегом: мы у себя дома и можем гулять где хотим и когда хотим.

– Кег так не говорил.

– Я передал смысл.

– Пожалуй. – Женщина помолчала. – То есть ты не осуждаешь Борисыча?

– За что?

– И на его месте поступил бы так же?

– Обязательно.

– Потому, что рискует Изгрино, а не ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.